

Алла КОНОВА

ГОЛОС ВЕЧНОСТИ

Фантастическая повесть

Пролог

1

Это был первый полет к Юпитеру. Предполагалось, в течение пяти месяцев, вращаясь по круговой орбите вокруг планеты, изучить ее атмосферу и природу красного пятна на поверхности, а если хватит времени, попытаться разгадать и причину таинственного радиоизлучения, периодически вспыхивающего с непонятной силой.

Экспедиция состояла из четырех человек.

Начальник — молодой профессор Киевского университета, двадцатичетырехлетний Павел Зарецкий. Несмотря на молодость, он уже принимал участие в трех космических полетах. На его счету крупнейшие исследования по теории электромагнитного поля.

Он среднего роста, худощав, белокур. С незнакомыми людьми очень застенчив. В лаборатории, во время экспериментов, он деспот и не терпит необоснованных возражений. И если кто-нибудь все-таки осмеливается спорить, его худые, несколько запавшие щеки покрываются горячей краской, и говорит он тогда медленно, как бы слегка заикаясь:

— Н-не-додумано. У-м-мейте д-д-умать до к-онца.

У него одна страсть — небо, звезды, электромагнитные поля, пронизывающие Вселенную. Спорт? Нет, спорту никогда не принадлежало его сердце. Это только средство для достижения единственной цели — проникновения в Космос. Спорт — это здоровье и воспитание воли. Вот почему Зарецкий регулярно, по три часа в день, тренирует свои мышцы.

Таков начальник первой экспедиции к Юпитеру.

Новой конструкции космоплан «Вперед!» понесет их. Впервые используется совсем недавно полученное ядерное топливо — пиозин. Космический корабль полетит с небывалой скоростью — пять тысяч километров в секунду.

Павел Николаевич Зарецкий у себя дома на загородной даче под Киевом.

Вечереет... Косые тени бегут от молоденьких вишенки. Но город еще залит солнцем, он весь на кручах: парки, сады, строгие дворцы да шпиль древних соборов.

Лес охватывает дачу. В Голосиевской роще прохлада, там цепко срослись дубки. За домом выход в поле: колышется зеленая пшеница. вязы вдали у самой деревни, запруда с белыми гусями, где плещутся в воде босоногие ребяташки.

Каждое деревцо в этом саду и каждый цветочек на клумбах выращены руками юного профессора. Цветы, после Космоса,—его вторая страсть.

Уходит солнце, темнеет город, и вместе с сумерками запахи захватывают воздух. Павел особенно любит ночные цветы. Цветы — ихдыхание — и звездное киевское небо.

Последний вечер, когда он вместе с женой. Завтра путь в далекую Сибирь. И где-то там, среди отрогов Саян, лагерь космонавтов и стартовая площадка ракетопланов.

Галочка хлопчет у стола. На ней серебристо-серое платье и на плечах такая же накидка, почти скрывающая располневшую фигуру. Галочка скоро станет матерью, и в ее круглых глазах светятся и тревога и затаенное изумление.

Павел не делится с ней ни своими планами, ни мыслями и, наверно, был бы очень удивлен, если бы его спросили:

— А что думает об этом ваша жена?

Ему иногда кажется, что Галя не четыре года тому назад вошла в его жизнь, а они всегда были вместе, настолько ее присутствие привычно, незаметно, но и необходимо. Галя окончила мединститут. Врач-эпидемиолог. Она мечтала работать в исследовательской лаборатории. Уничтожение последних, самых стойких инфекций — скарлатины, кори. Но Павел — редкий талант, и она должна жить для него, для его творчества. И оставила все ради Павла.

А сейчас ей кажется, что его тяготит вечер вдвоем.

Павел сидит рядом, чувствует ее тепло, ее немного робкую улыбку. Но мысли далеко.

Несколько дней — и они оторвутся от Луны. Космос... мятежные стихии Юпитера...

— Все хорошо будет, Галочка! — как-то механически, почти невдумываясь в свои слова, говорит Павел.

Она молчит, только губы ее кривятся, как у обиженного ребенка.

— Береги его!

Это Павел говорит о будущем сыне. Он не сомневается, что будет сын. А жена мечтает о дочери.

— Себя береги, Галочка, не надо волноваться. Ничего с нами не случится. Все предусмотрено.

Она знает, что все предусмотрено. Трижды ее муж устремлялся в Космос и всегда благополучно возвращался. Есть, конечно, тревога. Но он уверен, значит, уверена и она.

Галя улыбается. Ни слезинки не осталось в глазах, и как будто нет обиды.

— Обязательно будет хорошо, Павел!

А Павла вдруг охватывает что-то бесшабашно веселое, какая-то всепоглощающая радость. Он живет! Он еще будет жить! И там, у Юпитера, тоже будет жить!

А воздух, удивительный воздух, с запахами ночных фиалок. Деревья смыкаются над ними, живые и тоже пахучие.

В этот вечер Саша Черненко как всегда вел машину, очень мало считаясь с правилами уличного движения. И пока он добирался к общежитию студентов-физиков, его трижды останавливала автоинспекция. Нудным официальным голосом требовали документы и еще что-то говорили бесконечно долго.

Наконец, серо-голубая «Стрела» въехала во двор. Аллея, обсаженная акациями, ведет к громадному корпусу общежития, редкие скамейки вдоль нее. Деревья цветут, и их сладковатый запах дурманит голову.

Саша не сразу увидел девушку. Лена сидела в самом темном уголке, далеко от дома и от фонарей.

Тихонько подкрался. В руке девушки — пучок листьев акации, она обрывает лепестки и что-то сосредоточенно шепчет. Саша прислушался.

— Придет! Не придет! Придет! Не придет!

Наклонился к ее уху.

— Уже пришел!

Она вскочила, стряхнув с платья листочки, и рассмеялась. Смеялась она всегда хорошо, от всего сердца. Блестели крепкие зубы, вздрагивали рассыпанные по плечам очень светлые кудри.

— Ну, что, пришел?

— Пришел. А почему так поздно?

— Был у шефа. Последний наказ. А потом еще милиционеры задерживали. Куда поедем? — спросил он. — Последний нынешний денежек! Завтра я — уж не я, а сама дисциплина!

— На Днепр. Только не на твоей машине. Неужели в такой вечер тебе хочется быть одному? Без людей?

— Я хочу — с тобой...

— Нет! Мы поедем в троллейбусе. Чтобы было шумно и многолюдно.

Они толкались в переполненном троллейбусе. И везде люди говорили о предстоящем полете к Юпитеру. Лена счастливыми глазами смотрела на Сашу. А он смущался, хотя его — астронома экспедиции — никто не узнавал, никто даже и не подозревал, что он имеет какое-то отношение к полету.

Их зажали в центре вагона. Рядом с Леной — бледный молодой человек в очках, очень интеллигентный с виду. Он не переставая говорит и едва держится, потому что прижимает к себе большую пачку книг.

— Что вы... Полет к Юпитеру — это вам не экспедиция на Венеру или Марс. Это самая загадочная планета. И если говорить о новых стихиях, о новых полях, то их следует искать именно у Юпитера. Не случайно же начальником экспедиции отправляется Зарецкий — крупнейший теоретик поля...

Машину качнуло, и книги посыпались из его рук. Леночка и Саша любезно подняли их.

— Благодарю вас... Благодарю... Юпитер окружен очень мощным слоем радиации. Этот пояс в сто триллионов раз интенсивнее, чем такой же пояс у Земли. Его толщина более девятистот тысяч километров. И приблизиться к планете нельзя. Можно, конечно, совершить посадку на один из его спутников... Ну, скажем, на Каллисто... На Ганимед нельзя, он в зоне радиации... А что в этом поясе? Может быть, новые, неизвестные на Земле стихии?

Они вышли на Крещатику... Шумел вокруг город, сверкал витринами.

Поднялись на Владимирскую горку. Долго смотрели на Днепр.

По мосту непрерывным потоком двигались люди. Плескались огнями речные пароходы и баржи.

— Хочу на тот берег,— шепнула Лена.

...Под ними была темная глубина воды, только поверхность переливалась скуными отраженными огнями.

На другом берегу—тишина. И Леночка вдруг притихла, погрузилась. И Саша молчал. Совсем рядом он чувствовал нежную щеку, покрытую легким пушком, хотелось притронуться к ней губами... Он по-настоящему никогда еще не целовал девушку. Ему стыдно в этом признаться. Но это так.

Лена запела. Она хорошо поет, так же, как и смеется. Пусть поет, пусть смеется...

— Когда ты вернешься, я уже буду студенткой четвертого курса,— серьезно говорит она.

А он думает: «Когда я вернусь — будет наша свадьба».

А утро,— уже не ночь, она давно ушла,— утро все расширяется и расширяется. Свежесть сплошным потоком охватывает их. Леночка кажется очень бледной, но пытается улыбаться. А он опять думает: «Когда вернусь — будет наша свадьба».

И одним только взглядом спрашивает: «Ведь так?!»

3

Сурен Маргулян на восемь лет старше Павла Зарецкого. Он известный конструктор планетопланов. И корабль, который понесет их к Юпитеру,—его самое любимое детище.

В руках Сурена — огромный букет белых роз. Их особенно любит Вера. Он всегда немного гордится своей женой, довольно популярной киноактрисой.

Надо еще купить подарки детям: трехлетней Милочке понравится плюшевый мишка. И вдруг среди игрушек Сурен видит модель своего космоплана.

На борту четкими буквами написано: «Вперед!» Изящная игрушка, и до смешного похожа на настоящий. Точно такой стоит сейчас на Луне и ждет их.

А те люди, которые последними посмотрят им в глаза, сейчас готовят космоплан к полету.

Сынишка будет рад: он собирает ракеты всех систем. А такой еще нет у него.

Сурен вертит в руках маленькую игрушку...

Посетители магазина узнали Маргуляна. Он чувствует их скрытое внимание.

Это приятно щекочет самолюбие. Он просит упаковать игрушки. Потом берет свертки и, не спеша, с независимым видом, направляется к выходу...

Вечером серьезно «обсуждает» с сыном перспективы развития ракетной техники. А Милочке показывает, как ходит индюк...

И совсем уже поздно, перед тем, как лечь спать, дольше обычного стоит над кроватками детей.

Они вдвоем с женой.

— Будь осторожен,— наставляет она,— не лезь первый туда, где опасность. Я же знаю тебя: ты всегда первым лезешь...

— Слушаюсь! — шутливо перебивает он. Обнимает ее полные плечи.

— Давай лучше отдыхать.

И уже лежа в постели, засыпая, она все-таки шепчет:

— Я на сцене только отчаянная. А в жизни... За тебя боюсь одного... Понимаешь? Только за тебя...

4

Квартира Нины Александровны в центре города. Бульвар Шевченко. Второй этаж. Окно распахнуто в ночь. Комната отделана в светлых тонах. И все в ней кажется каким-то радостным, почти воздушным: и тончайшие занавески и даже изящные кресла. Один письменный стол тяжелый. Она открыла тумбу. Четыре ящика — и во всех аккуратно сложены общие тетради. В них то, что еще недодуманно: научные наблюдения, записки из Африки. Семь лет в Анголе — это тоже что-то значит...

В открытое окно вливается море голосов и шелест листьев.

Нина Александровна долго сидит над чистой тетрадью. Обложка нежно-зеленая, цвета весенней травы. В обложку вставлены фотографии сына. Володя — двухлетний мальчик, темноглазый, как мама, полненький и улыбающийся. А на второй — за семь дней до гибели. Волосы откинута со лба, еще мальчишеские губы твердо сжаты.

А ведь многие думают, что гибель сына гонит ее в Космос.

Каштанами пахнет Киев — это запах родины, запах детства и юности. Жизнь была нелегкой, она бросала ее на север и на юг, но этот запах остался, как остается дыхание надежд и молодости.

Поэт ночной Киев. Внизу в темноте бульвара будущее, мечты и чья-то первая любовь...

Нина Александровна пишет:

«Скоро я буду бесконечно далеко. А на Земле осталось... эта пахучая темнота, этот невнятный шум голосов... И ты, Володя... Потому что Земля и ты — единое целое... Думая о Земле, я буду видеть тебя. Мне страшно вспоминать твои последние минуты. Бинты на груди. Без кровинки лица.

— Прости, мама, но эта жертва была необходима, иначе погибли бы многие... А я один... — Тебе тяжело было говорить. — А тетю будет, мама. Из него построят светящиеся города будущего.

Я растила тебя таким... Тебе едва исполнилось двадцать два года...

Скоро я покину Землю. Это тоже нужно людям. Если бы это было бессмысленно — я не полетела бы».

5

В мае распускается багульник. Кусты его кажутся обнаженными, и густо-сиреневый налившийся бутон как будто светится среди грязно-булой прошлогодней травы. Далеко вверху, в еще мутной мгле неба, теряются вершины огромных деревьев.

Павел на рассвете прибыл в лагерь космонавтов. И его захватил этот лес, еще суровый, еще оголенный, но уже разбуженный, с едва приметной зеленью молодой травы. И сосны стоят распушившиеся, шумные, полные новой жизни. Еще холодно. Ночная свежесть вместе с легким туманом рассеивается в воздухе. И совсем скоро можно будет уловить запах оживающих почек смородины и дыхание живицы на недавнем срезе сосны.

Домики лагеря, небольшие, похожие на русские теремочки, разбросаны в тайге. И ведут к ним не асфальтированные дорожки, а лесные тропки, путающиеся среди кустарников и буйно разросшегося молодняка. Павел был глубоко благодарен неизвестным людям, которые заботливо сохранили для него этот первобытный лес.

Лагерь еще спал. Никто не ждал Павла так рано. И он решил проехать на космодром.

С Тангуньского перевала открылся вид на космодром: широкая равнина между хребтами сопок. Вдали скалистые отроги гор, мутные в синей дымке. Павел напрягал зрение, стараясь различить на сером полигоне светло-голубые очертания ракет. Их много, они далеко разбросаны друг от друга.

Начался спуск.

Здесь Павла уже ждали. Техники ракетной авиации в темно-синих кителях с золотистыми нашивками стояли по обе стороны дороги. Один из них, совсем еще молодой, звонким голосом шутливо отрапортовал:

— Товарищ начальник первой экспедиции к Юпитеру! Ракета «Родина» к полету на Луну готова!

Когда Павел вернулся в лагерь, его спутники были уже там.

Он нашел их у стремительного и чистейшего ручья. Вода, бурливая, вся в пене, набрасывалась на глыбы черных камней. Саша возвышался на блестящем валуне в самом центре водоворота и что-то декламировал, стараясь переговорить шум воды. Хорошо! Сашу Черненко Павел знает. Он работает в астрономической обсерватории при Киевском университете. Саша всегда неудержимо весел, в нем есть что-то мальчишеское, шальное. Это впечатление усиливают его маленький рост и быстрота движений.

Нина Александровна и Маргулян стояли на песчаной отмели. Сурен поднял над головой руку, приветствуя Павла. Лицо у Нины Александровны сосредоточенное и даже грустное. Павел немного робеет перед этой мало ему знакомой, суровой и умной женщиной. Нина Александровна старше их всех. Ей сорок два года.

Павел сжимает руку Маргуляна, но вместо приветствия восклицает:

— Смотрите! Уже распустился!..

Нина Александровна наклоняется к единственному пока раскрывшемуся цветку багульника. Теперь Павел смотрит на нее. В красивой линии ее выпуклого лба, в овале щек, в тугих косах что-то вечное, что ведет начало от Ярославны.

Когда-то Нина Орлова была одной из лучших гимнасток страны. И сейчас, несмотря на свои сорок два года, она еще молода, совсем молода.

Только... только седина небольшая на висках. И Павлу подумалось: и раньше была эта седина, и она ее подкрашивала... или... или появилась недавно.

— Нас ждут, — напоминает Павел.

Он имеет в виду медиков. Эксперименты начинаются на Земле.

— Н-да, — глубоко вздыхает Саша, только сейчас выбравшийся из ручья. — Теперь все — запутают в проводах. И думать надо осторожно, а то в виде синусоидальной кривой обозначатся все грехи...

Нина Александровна улыбается:

— И много их у вас, Саша?

— Есть! Всегда грешен!

...Вечером они долго не расходятся, стоят в темноте среди деревьев. Одна за другой отрываются ракеты, унося на вечную спутницу Земли последнее снаряжение. Павел провожает глазами каждую из них. Нина Александровна кажется очень грустной. Сурен и Саша негромко разговаривают:

— Сто лет тому назад, — замечает Саша, — было труднее попасть из Москвы в Иркутск. В Сибирь на лошадях! Смешно!

— А двадцать лет тому назад, — продолжает Сурен, — Гагарина ждали страшные перегрузки. Теперь их не будет. Немножко научились

бороться с ускорением... Мы легко, как в самолете, оторвемся от Земли. Правда, потом будет тяжелее...— Сурен задумывается. Он говорит с легким акцентом и всегда медленно, как бы подбирая слова.— Набрать пять тысяч километром в секунду без перегрузок трудно, хотя стабилизаторы любое равномерно-ускоренное движение превращают в привычное ощущение земного тяготения...

Яркий след очередной ракеты прочертил небо... Он гаснет, растворяясь среди звезд.

Тишина. Живицей пахнет свежая хвоя.

Девушка в белом неслышно приходит из темноты:

— Спокойной ночи, дорогие товарищи! Пора!

Глава I. ГОЛОС ВЕЧНОСТИ

Павлий Зорь и его дочь

1

Среди множества звезд в темном небе мерцал чуть заметный Анлорес. С именем этой звезды связана самая трагическая, а может быть, и самая прекрасная легенда древности.

«Легенда? Легенда не оставляет после себя строгих цифр, научных наблюдений и новых законов. А это — целая эпоха в науке», — так думал Павлий Зорь, главный руководитель астрономических работ мира, ученик гениального Доса Дина — того, который вплотную подошел к миру отрицательных энергий.

«Но это и легенда... Потому что люди ее остались навсегда сказочно-живыми. Пылинки жизни, брошенные в Космос, несущиеся неведомо куда...»

Павлий Зорь сидел в Паласе Наблюдений на берегу южного моря.

Среди пышной, сейчас темной, зелени светились дворцы из нинолина. Их прозрачные стены пропускали почти все лучи. И было видно, как там склонялись над аппаратами люди.

Но Павлий Зорь на мгновение окунулся в кромешную тьму Космоса. А ракета летит, летит в неизвестное, почти со скоростью света. Четверо в кабине. Им незачем обманывать себя. В реакторе уже не пиозин, а новое, во сто крат более мощное, топливо. И они этим топливом не владеют. Ракета будет носить их в пространствах Вселенной много дней, много лет, пока не иссякнут все запасы, и тогда они постепенно, один за другим уйдут из жизни. А пока...

Какая трагедия разыгралась у Юпитера? Вот уже шестьсот лет Земля пытается проникнуть в эту тайну. В какой-то мере это удалось Досу Дину. Удалось благодаря очень точным информации, регулярно поступающим от астронавтов планетоплана «Вперед!» Это невероятно! Но несомненно! Информация поступала! Она начала поступать через сто пятьдесят лет после того, как радиостанции мира вынуждены были сообщить: «Первая экспедиция к Юпитеру кончилась трагически. Космоплана «Вперед!» больше не существует. Вечная слава героям, павшим в борьбе за расцвет человеческого Разума!»

Гибель корабля не была зафиксирована приборами. Вдруг, на девяносто третий день работы экспедиции, когда к Земле уже шли многочисленные сообщения: все хорошо, наблюдения ведутся согласно плану, самочувствие прекрасное — связь оборвалась...

И напрасно долгие месяцы посылала Земля к Юпитеру позывные. Астронавты молчали.

Только через сто пятьдесят лет после катастрофы ученые обратили внимание на правильной последовательности сигналы, исходящие от протонного слоя радиации Земли. Расшифровали их очень быстро. Говорил космоплан «Вперед!» Они мчались к центру Галактики со скоростью, близкой к скорости света. Как удалось им послать информацию? Какие силы, какие, еще неведомые людям, взаимодействия они используют для этого — и сейчас остается загадкой. Но доказанным было то, что сообщения эти неслись с непостижимой быстротой, в десять тысяч раз превышающей скорость света.

Двести пятьдесят лет Земля регулярно улавливала их сигналы. О таких наблюдениях даже и мечтать не могли земные физики и астрономы. И вдруг... видимо, очень важное непривычно длинное сообщение... Его не смогли расшифровать: на этот раз слишком большими оказались помехи Космоса.

Это произошло двести лет тому назад, на подступах к системе Анлореса. Космический корабль «Вперед!» умолк вторично.

Павлий Зорь задумался. Он был еще молод, только пятьдесят лет. Но лицо худое, с резкими складками у губ и на лбу, а глаза усталые и очень добрые.

Павлию Зорю всегда становилось страшно, когда он пытался себе представить эту обреченность в Космосе. А может быть, и сейчас они, четверо, замерли перед окулярами ракетных телескопов. И каждый день в журнале отмечается их путь, излучение Космоса, положение звезд. И они думают, постоянно думают о Земле. Павлий Зорь, не раз покидавший Землю, знал: те четверо всегда думают о ней.

За спиной Павлия Зоря раздался ровный голос:

— Простите, Павлий Зорь, но приходится вас беспокоить. Произошло необычное...— Вошедший был явно взволнован.— Радиар-12 обнаружил сигналы правильной последовательности, исходящие от протонного слоя. Вот такие.

Павлий Зорь взял в руки мерцающий экран. Потом слегка прикрыл веки. Успокоился и медленно оглянулся. Полукругом к морю подступал светящийся город обсерваторий. Изящные очертания дворцов среди сплошного сада. А с юга шумело море. И в воздухе пахло его солью...

Космоплан «Вперед!» опять заговорил!

Павлий Зорь вместе с дежурным прошел к Радиару-12. Все ученые Паласа Наблюдений собрались здесь. Они расступились, подпустив к аппарату главного астронома. Павлий Зорь ссутулился перед бледно-голубым люминесцирующим экраном. Но экран, настроенный на длину волны сигналов, молчал. Он молчал большую часть ночи. И люди, пришедшие через шестьсот лет после тех, кто первым вырвался к звездам, с мучительным напряжением ожидали появления легких вспышек.

Только перед рассветом экран «заговорил». Все сдвинулись вокруг него плотной толпой.

— Это они,— глухо сказал Павлий Зорь, вставая из-за прибора,— вне всякого сомнения — они.

Информацию расшифровали моментально. Передавалось одно и то же сообщение:

«Движемся к Солнечной системе. Обрели управление кораблем. Через шесть месяцев вашего времени прибудем в район Плутона».

И Палас Наблюдений забурлил!

Люди устремились друг к другу, заполнив и широкие коридоры и зал заседаний.

В эту ночь больше никто не работал, никто не мог вести постоянных наблюдений.

Известный астрофизик с седенькой вздрагивающей бородой поднялся на кафедру и, протягивая руки вперед, что-то пытался сказать сквозь слезы, но получилось одно бормотание:

— Сотни... сотни... лет... тайну сверхсветовой скорости... энергия грядущих поколений...

А в дверях тоненькая девушка (глаза у нее темные, почти без зрачков) нараспев декламировала:

— Анлорес, Анлорес — далекая звезда.

Кто-то кричал:

— Разгадка загадки десятков парсеков!

— На Плутон! Все на Плутон!

Павлий Зорь попадал из одних объятий в другие...

И, наконец, кое-как вырвался и вышел в ночь. И очень долго стоял на огромной террасе, опоясывающей дворец науки. Внизу совсем близко шумело море, невидимое и темное.

«Скоро утро», — подумал Павлий Зорь и отметил чуть-чуть порозовевшую полоску неба и на ней острые вершины скал. И вдруг его охватило бурное чувство радости:

— А ведь это все правда! Правда! Они заговорили!

2

Леа поднялась после ночного отдыха. Утро. Очень раннее утро.

Она жила в розово-желтом доме из тетопида, который слегка светился в лучах солнца. Вокруг заросли вечнозеленого богуяра. Его вывели совсем недавно, но уже успели полюбить за большие тенистые ветви и крепкий смолистый запах. Весной богуяр распускался бледно-голубыми нежными цветами, чем-то напоминающими древние нарциссы.

Здесь воздух был прозрачен, а по утрам звенел от обилия солнца; здесь были пенистые потоки, и черные скалы, и сосны, и ели, и богуяр. На вершинах совсем-совсем близко сверкал вечный снег. Леа любила эту свежую суровость.

Но в такую рань ее неодолимо влекло море. Опуститься в соленую глубину его волн, напоить свое тело его силой.

Леа на воздушной лодке плыла над сияющей Землей. Это утреннее общение с природой ей было необходимо, как глоток горячей воды в сильнейший мороз.

Прогулка заняла не больше часа. Леа укрепляла лодку у поручней своего балкона, когда увидела отца. Павлий Зорь бежал к ней, сощурился от солнца, и улыбался.

— Они заговорили, Леа! Заговорили!!!

Она стояла перед ним на фоне сверкающих вершин, нежно-розовая в лучах поднимающегося горного солнца. Леа одета в свободно падающее мягкими складками белое платье. Слегка приподняв острый подбородок, она смотрит отцу прямо в глаза.

— Радиар-12 поймал сигналы протонного слоя — голос космоплана «Вперед!»

Радость, но не изумление мелькнули на ее лице.

— Я всегда говорила тебе, папа, что это когда-нибудь случится... Только боялась, что нас тогда уже не будет на свете.

Двадцатитрехлетняя Леа скоро должна была окончить Высшую Школу Астронавтики. Но сейчас, когда остались лишь месяцы до выпуска, она вдруг поняла: ее увлечение астронавтикой — только дань времени.

Каждый ребенок чуть ли не с колыбели мечтает о том, как он помчится в неведомое.

Отец самозабвенно любил небо. Это в какой-то мере передалось и Леа. Ей хотелось быть такой, как отец.

Но теперь Леа убедилась: мир звезд — это не ее призвание, это ей интересно, но это не то необходимое, неотделимое от человека, без чего жизнь теряет всякий смысл.

Когда она изучала историю полета космоплана «Вперед!», она видела не звездную трассу, не потоки частиц, а четырех людей. И у каждого был свой облик, свои надежды и сомнения и свое особенное большое сердце.

В последние месяцы она все читала и перечитывала древние книги. Луна, Венера, Марс — это все с детства привычное. А Леа впервые открывала их, как открывали те, давно ушедшие люди.

Леа вышла на балкон, площадку с низенькими перилами, нависшую над пропастью.

Отсюда открывался простор гор, аромат их дыхания, отсюда видны стремительные потоки, и здесь слышен вечный шум деревьев. Здесь хорошо думалось.

Но сегодня Леа не могла сосредоточиться. Слова отца о пойманном сигнале из бесконечности тревожили ее. Неужели она увидит живыми, настоящими тех, о ком ей в детстве отец рассказывал сказки, кого по существу создало ее воображение?

Был ноябрь. И здесь, на большой высоте, среди гор стало прохладно.

Леа вернулась в комнату, взяла плед, большой, мягкий, но почти невесомый, на нем причудливым узором сплетались блеклые золотисто-зеленые и кремовые полосы, привычным движением накинула его на себя. Стало тепло и уютно.

Мгла прикрыла горы. Начался сплошной снегопад.

Леа даже себе стеснялась признаться, что ее неодолимо тянет писать.

В поисках сильных характеров Леа обращалась к прошлому, к эпохе первых астронавтов. Она знала: именно в те давние времена родилась великая Человечность.

Леа, полузакрыв глаза, смотрела в серую даль гор, вдруг слившихся с небом. Здесь часто так бывает: утро — лучезарно-светлое, почти летнее, а день пасмурный, зимний. Зоркий взгляд Леи отметил множество лыжников на горных тропах. Сегодня праздник Первого Снегопада, а его особенно любила молодежь.

— Нина Александровна Орлова, Павел Зарецкий, Сурен Маргулян, Саша Черненко, — выговаривала Леа их трудные имена.

Она долго мысленно вслушивалась в эти созвучия, как бы стараясь прочесть в них источник силы тех людей.

Снегопад придвигался все ближе и ближе, огромные хлопья опускались в безветренном воздухе. Снег усыпал светлые кудри Леи, ее плечи. Но под легким покрывалом было тепло. Говорят, русские любили зиму, суровую, долгую зиму.

На экранах воздушных телевизоров пламенели густо-красными огнями имена Павла Зарецкого и его спутников. И смотрели лица с древних портретов: Павел чуть сощурился, устремившись вперед, радостно, от всего сердца, смеялся Саша Черненко, он приветствовал неведомое, как приветствуют жизнь, как радуются каждому восходу дня; Сурен Маргулян был спокоен и даже важен, чуть высокомерный и уверенный в себе, и, наконец, прекрасная, как первая любовь, Нина Орлова со своей немеркнувшей молодостью, с печалью раздумья в темных глазах.

Космоплан возвращается на землю

1

В последнее время Павлий Зорь редко покидал Землю.

На Земле по-прежнему оставались основные научные центры — главнейшее руководство разумной жизнью.

На Марсе и на Венере была сосредоточена ядерная энергетика, химия, тяжелая промышленность — все то, что требовало создания громоздких сооружений, что могло отравить атмосферу вредными испарениями. Земля слишком хороша для жизни, и ее просторы заполнялись садами, парками и лесами. В недрах Марса и Венеры вполне достаточно сырья. Работали на этих планетах автоматы. Их обслуживало мало людей. Три месяца жизни отдавал каждый мужчина работе на одной из этих планет.

Павлий Зорь готовился к поездке на Плутон. Перед отлетом он заскочил в Дом Диких Гор и нашел Лею на балконе. Она смотрела воздушный телевизор, и когда Павлий Зорь вошел, над вершинами уже весенних затуманенных гор плыло огромное изображение Павла Зарецкого.

А вверху взъерошенное ветрами небо и рвущиеся к Земле лучи солнца.

Леа хотела очень многое сказать отцу.

Но он заметно волновался. Это, действительно, не так-то просто встречать людей, живших шестьсот лет тому назад.

И Леа ничего не успела сказать. Лодка отца скрылась в тучах, серосиних и низких, налитых апрельскими испарениями.

2

Чувство нереальности окружающего охватывало каждого, кто попадал на Плутон. Создавалось впечатление вечного сна. Этому способствовало сочетание ледяного пейзажа планеты с резко измененным ритмом движений. Здесь по-иному ощущались мускульные усилия.

В зеленой мгле выступали желтоватые скалы и шпили, сложенные из снежно-белых пород. Были еще голубоватые моря, моря жидкого азота. Они колыхались тяжелой и густой волной, и над всем давило черное небо. Но звезды мерцают, мерцают в довольно плотной атмосфере водорода и гелия. Рядом — ни одного светила. А солнце кажется слишком маленьким.

Сейчас Плутон не только последняя ступень Солнечной системы, откуда с наименьшей затратой энергии могут отлетать звездные корабли. На его поверхности, благодаря колоссальному переохлаждению и сжатию — озера жидкого азота и кислорода, а в атмосфере девяносто процентов водорода — неистощимый источник для получения пиозина. Плутон стал колоссальной лабораторией, самой грандиозной, которую когда-либо создавали люди. Здесь в гигантских масштабах проводилась проверка гипотезы Доса Дина о «соответствии миров». Гипотеза подсказывала возможность покорения отрицательных энергий.

В холодной мгле неба терялись очертания эллиптических энерго-тронов Дина.

Тяга молодежи на Плутон очень велика. Освоение планеты — это главнейшая задача современной культуры.

Десять кораблей прибыли встречать астронавтов.

Космопланы стояли у огромного ярко освещенного изнутри здания Наблюдений. Там укрылись прибывшие. Стены из тионита защищают

от самых сильных излучений. И только сквозь узенькие смотровые окна можно наблюдать за подходом кораблей.

Древний космоплан приближался к планете темной, плохо видимой громадой. Его сопровождали вылетевшие навстречу два маленьких планетоплана — два неярких огонька.

Космоплан приземлялся долго и тяжело, потом замер, неуклюже ткнувшись в метановые торосы. Целое облако легкой пыли повисло в воздухе. Пыль медленно оседала.

И, наконец, из серого сумрака выступило густое, темное облако.

И люди на какое-то мгновение растерялись. Это был не он! Это был не тот космоплан «Вперед!», который шесть столетий тому назад покинул Землю.

Вязкая, бесформенная сине-фиолетовая масса... И только внимательно всмотревшись, можно заметить, что сквозь нее просвечивают знакомые очертания корабля. И вдруг эта пульсирующая оболочка начала сжиматься, как бы таять на глазах... И исчезла совсем! И тогда перед изумленными свидетелями возвращения космоплана «Вперед!» заблестела избитая, исцарапанная метеоритами поверхность корабля... И на ней неровные ржаво-красные полосы.

А научные сотрудники энерготронов Дина зарегистрировали мощную энергитическую бурю.

Прошло много времени. Все ждали. Но вот что-то звонко щелкнуло, весь корпус древнего планетоплана задрожал, раздвинулась обшивка, и оттуда вырвался желто-белый свет. И опять никого. Тогда люди рванулись к космоплану. Но в этот момент показался человек в легком скафандре, потом второй... Они упали на край люка и лежали не двигаясь.

Астронавтов подняли. Их тела казались безжизненными.

— Немедленно в дом Здоровья, — тихо сказал Павлий Зорь.

А сам вместе с другими сотрудниками пошел осматривать кабины. На корабле людей больше не было.

— Как?! — испугался Павлий Зорь — Их только двое?!

Люди из Космоса привезли с собой множество документов с научными наблюдениями.

А потом... потом какие-то странные желтые предметы — не то камни, не то металлы... И на них те же ржаво-красные царапины, которые повредили обшивку космоплана.

Камни эти очень хорошо заизолированы непонятной стекловидной массой, сильно люминесцирующей густо-фиолетовым светом. Человек, который нашел их и показывал теперь Павлию Зорю, хотел что-то сказать, но вдруг пошатнулся.

Павлий Зорь только шагнул к нему, как его охватило сильное головокружение.

Тогда он задернул стекловидную тканью желтые камни и сдавленно сказал:

— Убрать их! Убрать туда, где они были! Ничего не трогать, пока больные не придут в себя.

Павлий Зорь направился в дом Здоровья. Прибывших уложили в комнатах сна. Главврач Лида Линг, осмотрев их, распорядилась:

— Им нужен прежде всего покой, абсолютный покой.

Павлий Зорь с большим трудом уговорил Лиду разрешить ему совсем немного побыть с больными.

В комнатах было почти темно, только едва тлеющее синее сияние у входа. Больные метались на огромных кроватях. Павлий Зорь долго всматривался в их истощенные, сильно заросшие лица. Один с черной кудрявой бородой и такими же волосами.

— Маргулян,— решил Павлий Зорь.

Второй казался более измученным, но все-таки в его лице можно было узнать черты Павла Зарецкого.

Павлий Зорь мог бы очень долго просидеть у их постелей, но Лида Линг гневным кивком приказала ему немедленно удалиться. А вечером она решительно заявила:

— Их надо сию же минуту везти на Землю. Состояние очень тяжелое. Видимо, их ослабленные организмы не могли благополучно перенести усиление тяжести при посадке. Только солнце Земли, ее воздух, ее море смогут сделать то, что мы уже не в состоянии преодолеть искусственными средствами.

Ранним утром астрокараван двинулся на Землю. Во флагманском планетоплане Павлий Зорь с больными и Лида Линг. Космоплан «Вперед!», бережно укутанный оболочкой из туролла, транспортировался на буксире обычным грузовым планетопланом.

3

Павел пришел в себя, когда пересекали орбиту Марса. Марс оставался в стороне. Через иллюминаторы была видна другая голубая звезда.

— Земля! — указал на нее Павлий Зорь и протянул Павлу карманный телескоп.

Павел встрепенулся, поднес трубу к глазам. Его охватила слабость. И в тумане этой слабости заплесало, закружилось перед глазами все: и то, что было совсем-совсем недавно, и уже давно ушедшее.

...Последние, напряженнейшие, минуты полета космоплана «Вперед!».

Сейчас они не имеют права умереть! Пусть раньше космоплан твердо станет на землю Плутона! Дотянуть до Плутона! Это было единственным желанием после того, как они поймали сигнал «Приземляйтесь на Плутон!» Только бы приземлить космоплан целым, сохраненным для людей — это единое дыхание его и Сурена, это полное слияние в одном стремлении воли и разума двух людей...

Последнее напряжение жило еще в каждом ударе сердца Павла, в каждой вспышке сознания. А голубоватый шарик все уплывал и уплывал из поля зрения окуляра. Это уже было когда-то испытанное, когда-то давно-давно виденное... Когда?

Закрыл глаза. Лежал, не чувствуя тела — привычное состояние невесомости. Вспомнилось...

Давно, давно, в ту земную жизнь, которая слишком часто виделась ему за время бесконечных блужданий в Космосе... Там было детство, там был мир, тепло человеческого многолюдья.

Павел семилетним мальчиком впервые пришел с матерью в обсерваторию к отцу. Это было на юге, среди гор, с живым, светящимся небом, с обилием мерцающих звезд. Небо тогда сияло, оно не казалось черным провалом Космоса с застывшими созвездиями. И в воздухе был ветер, ветер, освежающий лицо, поднимающий волосы. И запах скошенной травы. Горы вокруг: они то тянулись ввысь, то падали уступами и ущельями. Николай Павлович, усталый и как всегда рассеянный, вышел им навстречу.

— Вы уже здесь, Оля?

Мама крепко держала руку Павлика.

— Как видишь.

Отец подвел Павла к большой, направленной в небо трубе. Николай Павлович с его сутулой располневшей спиной, с глазами серыми,

как бы обесцвечившимися от вечного созерцания неба, выглядел очень пожилым человеком.

— Хочешь на Марс посмотреть? Посмотри.

И Павлик в трубу увидел, как желтый шарик поплыл среди круга окуляра.

А сейчас голубая родная Земля точно так же уплывала из поля его зрения.

Какая же пропасть времени и пространства легла между этими одинаковыми картинками!

Худой внимательный человек, чем-то, наверно, своими добрыми глазами, очень похожий на отца, всматривается в Павла. И вдруг Павел услышал свое имя. Вне всякого сомнения — этот человек назвал его.

— Да, я Павел Зарецкий.

Тогда мужчина, притронувшись рукой к груди, с легким поклоном ответил:

— Павлий Зорь.

Павлий? Да — это очень редкое имя. И Зорю захотелось объяснить, что так называли его в честь этого истощенного человека, который сейчас бессильно полулежит, судорожно сжимая в руках трубку телескопа.

— Павлий Зорь, — повторил Павел и, слегка приподнявшись, оглянулся на безжизненное тело товарища.

— Сурен Маргулян.

И Павлий Зорь склонился перед Суреном.

Павел устал. И Лида Линг запретила ему разговаривать. Но Павел не мог спать, он вспоминал.

И помнилась ему все та же первая, самая первая ночь в его жизни, когда он по-иному увидел небо.

Отец и мать узенькой каменистой тропкой пошли в горы. Заросли мелкого кустарника преграждали дорогу. Ветви уже сухие, колючие, осенние. Где-то весело и звонко шумела вода.

Родители Павлика были немолоды. Их юность совпала с войной. Четыре года они шагали по дорогам смерти. Ольга Петровна — санитаркой в стрелковой дивизии, а Николай Павлович — механиком в танковом батальоне.

Встретились они гораздо позднее, тогда, когда Николай Павлович уже защитил кандидатскую диссертацию, а Ольга Петровна заведовала детской инфекционной больницей.

Когда Павлик появился на свет, им было гораздо больше тридцати.

Павлик рос в жизнерадостной, но какой-то бесшабашной семье. Очень мало уделялось внимания личному благополучию (они сами этого не замечали), а все внимание устремлялось куда-то вверх, чуть ли не к звездам. Мама по утрам кормила Павлика манной кашей с вишневым или малиновым вареньем, но сама никогда не успевала позавтракать и только перед обедом вспоминала об этом. Она обычно носила нелепую, мило смешную, уже успевшую выйти из моды шляпу, оставляла сумочки и перчатки на прилавках магазинов, но точно знала даты противостояний Марса и Венеры. Это влияние мужа, а может быть, веление времени. Она очень долго помнила лица и все течение болезни своих маленьких пациентов, но их мамаш сразу же забывала, не раз попадая из-за этого в неловкое положение. Она любила громко декламировать стихи. А отец молчал часами.

У них всегда было очень мало времени. И, наверно, тот далекий вечер, о котором вспоминал Павел, им хотелось подарить себе, своей ушедшей молодости.

Ольга Петровна уверенно переступала с камня на камень. Отец плохо видел в темноте, часто спотыкался, но не выпускал из своих горячих ладоней ручку сына.

— Да, Оля, трудно сейчас отличить, где фантастика, а где уже наука, но я всегда мечтал об этом! Помню весну сорок пятого года! И знаешь... Я и тогда думал, что Луна близко...

...Сурен не приходил в себя, а Павел обессилел. Отчего? От разом нахлынувших воспоминаний? От мучительного ожидания, ожидания, длившегося столько лет, и сейчас, в эти минуты, превращающегося в реальность? Или, может быть, просто от того, что планетоплан шел на посадку и тяжесть возрастала?

Павел не смог отметить того мгновения, когда планетоплан, наконец, стал, твердо стал на землю. Поддерживаемый Зорем, он медленно спускался по трапу.

Это была та же площадка, с которой шестьсот лет тому назад они стартовали на Луну, чтобы начать свой путь к Юпитеру. Это место древних астронавтов, место безумно смелых, люди сохранили как ценнейшую реликвию прошлого. Те же скалистые отроги гор вдали, и так же они сглаживают свои контуры в синеве. Сейчас, как и тогда, была весна...

Павел ступал по серым, сильно разрушенным плитам и вдруг в выемке между камнями заметил свежую травку. Склонился, набрал пригоршню склеенной корешками Земли. Поднес к лицу... И голова закружилась. Он задрожал от знакомого запаха обнаженной Земли, еще холодной от зимних снегов, но уже оттаявшей для жизни. Растирал пальцами жирные кусочки перегноя. Это прикосновение отбросило его к тем далеким годам, когда он во взрыхленную, уже нагретую солнцем клумбу высаживал клубни георгинов. И тут он увидел: от людей, слившихся в его глазах в единое целое, отделилась девушка. Девушка в бледно-голубой развевающейся одежде. Она легко шла ему навстречу, протянув вперед тонкие руки. В ее облике он прочел и боль сострадания и восторг.

Она смотрела ему в лицо, слегка запрокинув голову, нежная, очень простая и искренняя.

— З-зд-рав-в-вст-вуй, Павел,— она певуче-растянуто выговаривала слова.— Долгих лет тебе жизни, Павел, на твоей Земле.

4

В руках Леи тетрадь. Но она совсем не похожа на те древние документы, с которыми совсем недавно познакомилась дочь Павлия Зоря.

Листы в тетради свежие, почти не измененные временем. И даже чернила не потускнели. Две фотографии — ребенка и юноши — вставлены в обложку.

Записки Нины Орловой...

А Лее кажется, что это частичка души тех далеких людей.

И густо-зеленые очертания гор, и снежные шапки — все в лучах солнца. Прохлада под тенистыми платанами. И так же было тогда, шестьсот лет тому назад...

Глава II. В ПРОСТОРАХ НЕВЕДОМОГО

Юпитер

(Начало записок Нины Орловой)

1

...Осталась только крошечная голубоватая точка. Она выделяется на черном небе. И глаза сами постоянно тянутся к ней.

Мы легли на круговую орбиту вокруг Юпитера. Он занимает перед нами почти половину пространства. Полосатый гигант. И видно, как эти полосы, темным обручем охватив поверхность планеты, стремительно кружатся.

Но больше всего меня поражает Солнце. Холодный диск в черном небе. Дело не в том, что оно гораздо меньше земного. Наше Солнце как бы теряется в сиянии воздуха. Здесь оно висит. Оно ослепительно светит... светит холодом.

А на поверхности Юпитера кочует красное пятно... Загадка из загадок... Оно огромное... неправильной формы... и ползет от полюса к полюсу. Оно приковало к себе все мысли нашего юного начальника...

— Там, именно там рождается это необъяснимое радиоизлучение. А почему? Какую силу, какую власть таит в себе эта бурая расплывчатая масса?

— В нем скрыто что-то зловещее...

Это сказано очень тихо, но с такой неожиданной дрожью, что мы все невольно оглянулись. Саша не улыбался! Он серьезен. И только, уголки губ нервно подпрыгивают, как бы в предчувствии неотвратимой беды.

И на мгновение стало жутко. Пятно—это гигантский спрут, сковавший нас своим мертвящим взглядом. Он высосет все: нашу кровь... возвращение... далекую Землю... Сурен очень бледен. И Павел натянуто улыбается. А я... я должна сказать что-то:

— И бывает же такое дурацкое напряжение нервов, когда все рисуется в мрачных тонах!..

Павел Николаевич рассмеялся, но смех звучал неискренне... Лучше так не смеяться!

— Вы правы, Нина Александровна, невеждам всегда что-то мерещится...

— Мы с Ниной Александровной скоро вам приподнесем все тайны Ганимеда в их натуральном виде. Ждать уже недолго.— Сурен вставил это совершенно спокойно. Он уже безукоризненно владел собой.— Пойдемте, Нина Александровна, Ганимед ждет нас.

Нам с Суреном поручили наблюдать за спутниками Юпитера. Их двенадцать. Путь нашей ракеты лежит между орбитами Каллисто и Ганимеда. Подойти ближе к Юпитеру нельзя. Там очень плотный слой электронов больших энергий. Правда, наш планетоплан надежно защищен от них, но все-таки мы не имеем права нарушать данные нам на Земле инструкции. Каллисто и Ганимед по величине почти такие, как Меркурий. Каллисто сейчас скрыт Юпитером, мы не скоро еще подойдем к нему. И я смотрю на голубовато-белый Ганимед. Прекрасная «луна». В его отраженном свете что-то особенное... успокаивающее, особенно успокаивающее после жуткого кровавого пятна. Но не следует думать об этом, о минутной вспышке страха. Это естественно в Космо-

се. Надо думать о другом. Мы с Суреном уже знаем: белое зеркало на поверхности Ганимеда — это застывшие моря угольной кислоты. Так предполагали люди, так оно и есть. Наблюдение за Ганимедом — эту работу мы с Суреном взяли, так сказать, по совместительству. Основное у меня — люди: как чувствует себя в Космосе живой организм. Первое из первейшего. С этого начиналось освоение внеземного пространства. Вечная, непроходящая, задача. Может быть, потому, что она действительно неисчерпаемая. Для меня уже не проблема: хорошо ли переносит живой организм состояние невесомости. Это давным-давно решено. Но чем глубже в Космос, тем вероятнее различные сюрпризы.

Больше двадцати лет назад первая ракета-спутник взвилась над Землей, потом пронесся человек на космическом корабле. Началось освоение Луны, обследование Венеры, Марса и, наконец, Юпитера. И везде решался вопрос о живом организме. Человек может жить в космическом корабле — это доказано. А нервы? А его психика? Прежде всего сужу по себе.

Пока я спокойна. Только слишком часто вспоминаю Землю. Мужчины в этом отношении крепче. Их сильнее захватывает работа. Павел Николаевич вообще ни о чем, кроме своих электромагнитных или мезонных полей, и говорить не может.

А я по-бабьи, со слезой, переживаю прошлое. Тем более, что Ганимед напоминает мне льды Антарктики — тяжелейшую пору моей жизни.

2

Жизнь... Так что же такое сама жизнь? Только путь от рождения до смерти? И то, что ты смог сделать, — вехи на этом пути?

Мягкие ручки сына. Его первое: «мама»... Удивительный комочек собственного тепла...

Но было еще... Желтая синева на лице Володи. И последняя улыбка. Улыбка только для меня, как будто ты сказал: «Все пройдет, мама. Крепись! Будущее все-таки за нами». Ты не мог уже думать «за мной», потому что знал: тебя скоро не будет. Так уходят все, кто жил не для себя.

А любовь? А горечь одиноких бессонных ночей, когда в воздухе запах омытого цветенья? А черно-серое штормовое море за кормой и хлесткий дождь вперемешку со снегом?

И сейчас, так далеко от Земли, вспоминая прошлое, я втягиваю в себя дыхание киевских каштанов и кожу мне обжигают капли штормового дождя.

Я встретила своего будущего мужа на Олимпиаде в Риме. Наверно, любовь дала мне силы, и я выступала очень успешно.

Я никогда не думаю о муже. Но холодный и блестящий Ганимед напоминает льды Антарктики. Там мы расстались навсегда.

Мы мало знали друг друга. Я училась. Он на долгие месяцы уходил в плаванье. А встречи всегда радостны.

Я окончила институт и начала работать врачом на дизель-электроходе, где он был помощником капитана.

Помню: у бортов пенилась светло-зеленая волна, отталкивая редкие льды. Сплошной ветер дул с близкой Антарктики. На льдинах пятнами темнели морские звери. В сером ненастном небе с криком носились стаи птиц. Ненастье! Ненастье в природе!

Иногда несколько движений, случайное слово — и человек кажется другим.

Меня поразил брезгливо-безразличный голос мужа, когда он разговаривал с подчиненными.

А потом случилось несчастье...

В ураган, во время аварийной работы, которой непосредственно руководил муж, матросу придавило ногу. Паренек в плавание впервые, во всем виновата его нерасторопность.

Когда я прибежала к месту происшествия, муж стоял уже в стороне. Ледяным тоном спросил:

— Перелом?

— Да,— ответила я.

Перелом был открытый, и не один. Нога изуродована, наверно, навсегда.

— Черт знает что!

Восклицание обожгло меня, я подняла голову от раны. На губах мужа обычное пренебрежение, ни тени сострадания к чужой боли. Только блестит его бледное выбритое лицо в сгустившейся серой мгле.

Начинался хлесткий дождь.

Муж с досадой отвернулся и пошел вдоль борта, затянутый в плащ-дождевик, скользкий от воды.

Вечером случайно услышала разговор...

— Мне некогда,— сказал муж.

— Он понимает, что сам виноват,— уговаривал наш комсорг.— Он и так наказан. Если бы вы навестили...

— Некогда,— все так же бесстрастно прозвучал ответ...

Очень тяжело было возвращаться в свою каюту.

Муж полулежал в мягком кресле спиной ко мне. Над зеленым плюшем были видны крутые плечи. Настольная лампа стояла перед ним, и тень покрывала его синевато-бледное лицо, когда он повернулся.

Тогда я ничего не сказала. Я только с ужасом вслушивалась в его слова:

— Неприятностей не оберешься. Лезут черт знает куда! Объясняй теперь!

И ни разу не спросил меня, как себя чувствует больной, как его нога...

Это страшно, вдруг, сразу и неотвратимо, обнаружить, что человек, который был для тебя самым главным в жизни,— ничто, пустота.

Время шло. Он, как и раньше, снисходительно и ласково улыбался, абсолютно уверенный в моей привязанности и своей неотразимости. Теперь его мелочный эгоизм, жалкая боязнь за собственное «я» меня раздражали.

Говорят, чтобы разорвать совместную жизнь, нужна более веская причина. Не знаю... Я, наверно, простила бы и любовь к другой женщине, и несправедливые упреки, и бурные сцены — если за этим всем — горячие чувства. А душевной скудости простить не могу. Не могу жить с человеком, которого не люблю. И не уважаю.

Тогда мне казалось: лучше одиночество.

Я поселилась у нашей буфетчицы тети Фени и провела с ней эти тягостные месяцы плавания.

Почти все свободное время смотрела на бушующий океан. Это успокаивало и тревожило. Тучи над нами. Где-то стороной, вгрызаясь в зыбь волн, проходили дожди. Иногда они хлестали нашу палубу. А потом возникал подсвет на небе, он расширялся. Отдельные голубоватые айсберги проплывали в темной и холодной воде.

Так постепенно мы входили во льды Антарктики, в их сияющее величие.

Нет, это было не тяжелое, а тягостное время. Потом через много, много лет, когда пришло большое горе, я поняла, что значит тяжело, непреодолимо тяжело.

Было еще очень много солнца в моей жизни, была знойная Ангола, где рос мой Володька среди черных кудрявых детишек. Пусть навсегда останется благословенным это незабываемое время!

Я работала рядовым врачом в госпитале. И когда возвращалась домой спать, кажется, шаталась от усталости. Чужое, некиевское, небо сверкало причудливыми созвездиями. И воздух полон запахов, но слишком резких, слишком пряных.

Оспа... Нищие деревни... Холера... Такова Ангола моей молодости...

Да, Земля влечет неодолимо. Память о ней не меркнет, а оживает, расширяется... У Ганимеда очень спокойное, ровное дыхание. Сияние,— это дыхание небесных тел. Земля теперь — тоже небесное тело. И как она нежно и чисто дышит.

3

Меняется ли психика человека в Космосе? Да, меняется. Глубже сознаешь свою ответственность перед людьми за то, что тебе одной из многих тысяч доверили. Острее чувствуешь, что ты дитя Земли, свою неразрывную связь с ней. Это неправда, что тоска, обреченность одиночества овладевает людьми. Так думали только на заре космических полетов. Жизнь здесь очень активна, насыщена деятельностью, а тоска — плод безделья.

Сильнее всех, конечно, Павел Николаевич. Не только потому, что он талантливее, умнее, энергичнее. У него исключительная целеустремленность.

Я вижу: Сашин взгляд сам собою тянется к Земле — туда, где она может быть. Я вижу на лице Сурена отпечаток земных воспоминаний. Они, как и я, думают о прошлом. Значит, в Космосе обостряется прошлое, воспоминания все больше и больше овладевают психикой.

А вот у Зарецкого этого нет. Он весь — одно стремление — проникнуть в тайны мира. Его мысль, его память не отвлекаются. Я даже начинаю думать, что он исключение. Он относится к типу мыслителей, гигантов ума. А их психику нельзя мерить нашим аршином.

Беспокойства он мне не доставляет. Как Зарецкий ни увлечен, он строго соблюдает режим времени. И если наступает пора спать, он откладывает самый захватывающий эксперимент — и спит. Он регулярно делает зарядку. И ест то, что положено.

Галочка говорила, что и дома он всегда ел то, что питательно, что нужно, а не то, что ему особенно нравится.

И вместе с тем он не производит впечатления сухаря, и совсем не потому, что слегка смущается, когда обращаешься к нему. Его горячее сердце стремится как можно больше познать!

Я люблю наблюдать, когда Павел готовит очередной опыт. Он весь горит: и краска возбуждения на щеках, и особый блеск глаз. И даже пальцы дрожат. Это при его-то железных нервах!

Вчера он позвал Сашу. Я работала рядом и слышала весь их разговор, о красном пятне Юпитера.

— У меня такое предчувствие, что внутри него сейчас что-то происходит. Как будто силы какие-то накапливаются.

— Почему вы так думаете?

— Трудно ответить... На приборах нет никаких точных показаний, и вместе с тем что-то не то...

Он молчал минуту.

— Почему протонный слой радиации Юпитера начал вдруг излучать рентгеновские лучи с длиной волны около двух ангстрем?

— Откуда вы знаете, что это идет от протонного слоя?

— Не могу объяснить... Но это так.

И хотя Павел Николаевич не доказал своего предположения, мы с Сашей поверили, что так оно и есть. Зарецкий обладал особой интуицией. Это почти мистика. Но его гипотезы, высказанные столь определенно, как эта, всегда подтверждались. Вернее, это какое-то свойство его мышления: предугадывать действительность. Собственно говоря, это присуще подлинно большому таланту. Разве не создана одна из самых удивительных теорий нашего времени — теория вакуума, пустоты? Той самой пустоты, которую физики всего мира привыкли считать самой простой и понятной. Пустота — не пуста, даже если там совершенно отсутствуют протоны, нейтроны, электроны, не говоря уже об атомах и молекулах. Пустота заполнена частицами отрицательных энергий, поэтому мы их не чувствуем. А если этим частицам сообщить огромную энергию? Что получается тогда? Тогда рождается антиматерия, антивещество. А фотонная ракета — наша самая большая мечта...

Павел Николаевич одержим идеей пустоты. В ней он видит неведомые доселе силы и стихии. В ней могущество человека. Он говорит Саше о тайнах красного пятна Юпитера, а думает, я уверена, что корень всех загадок, в том числе и этого излучения, исходящего от протонов, все в той же пустоте, в том же мире отрицательных энергий.

— Мы должны проследить не только за этими рентгеновскими квантами, но и за тем, что их порождает. Какими свойствами должны обладать эти лучи или частицы?

Павел Николаевич быстро набрасывал на бумаге чертеж.

— Нам с тобой надо срочно собрать эту схему. Для этого есть все необходимое. Я проверил.

И он начал объяснять Саше сущность задуманного:

— Протоны, попав в поле неизвестного нам происхождения, порождают рентгеновские лучи с длиной волны около двух ангстрем. Почему это происходит? Все протоны или только определенных энергий? Это мы во-первых узнаем. Возникают ли только эти кванты или еще что-нибудь? Это во-вторых... Протоны мы возьмем из реактора для получения пиозина. Нам нужно совсем ничтожное количество. А потом... потом... мы увидим, как развернутся события.

— Насколько я понял, вы, Павел Николаевич, считаете, что это неизвестное, неуловимое нами поле действует на протоны?

Вопрос задал Сурен.

Он вошел, когда Зарецкий заканчивал свои объяснения, и слышал последние слова.

— Да, это так. Хотя не могу доказать даже существования этого поля.

— Тогда я бы не стал проводить никаких экспериментов. Я бы покинул Юпитер.

— Как?! — Это в один голос закричали я и Саша. — Прерывать экспедицию только потому, что у начальника появились какие-то предположения!

Саша был вне себя.

— Вы подумайте, что доверила нам Земля?! И мы вдруг струсили! Бежали! Ничего не проверив! А может быть, у нас сейчас в руках величайшее открытие нашего времени?!

— Разве я похож на труса? — Сурен выговорил это совсем спокойно. — Протоны — это кровь нашего корабля. И если для них существует опасность, опасность их перерождения... Так ли я понял, Павел Николаевич?

Зарецкий казался очень бледным. Все его легкое тело спортсмена как бы приготовилось к прыжку:

— Вы правильно поняли, Сурен Арутюнович, вы поняли даже то, о чем я еще не говорил, а только думал. Опасность эта есть И нечего так возмущаться, Саша. Но мы должны проверить, насколько это реально. Поэтому я предлагаю этот эксперимент... Прервать экспедицию, так ничего не узнав и не доказав, а только породив подозрение, мы тоже не можем...— Он обратился к Саше:— За два часа, самое большее, мы должны собрать схему.

4

Красное пятно ожило. Это случилось внезапно. Как раз тогда, когда Павел Николаевич и Саша начали свой эксперимент.

Космос бушевал. Все приборы заработали интенсивнее. И дробный звук щелчков в счетчиках забарабанил, как крупный град о крышу дома. Мощное электромагнитное излучение не знало преград. А спектр его оказался колоссальным — от километров и до этого самого двух-ангстремового излучения.

Павел Николаевич и Саша быстро настраивали приборы на новый режим. Я отлично помню их двоих рядом, оба подвижные, ловкие. Вот Саша подал Павлу Николаевичу матовый вогнутый экран. Тот быстро подхватил его и начал закреплять на спаянном из тончайших золотистых трубок каркасе. А пальцы на его руках дрожат от возбуждения...

Среди бесконечности

(Продолжение записок Нины Орловой)

1

Последнее, что отметила память,— легкое головокружение.

А потом я увидела над собой очень бледное лицо Павла, бровь рассечена, и кровь размазана по лицу; я лежала на полу, придавленная непонятной тяжестью. Саша, согнувшись, почти ползком двигался к нам.

Я обвела глазами кабину, пытаюсь найти Сурена, и обнаружила страшный беспорядок, как будто внезапный вихрь разметал рулоны графиков и журналы, прижал к столу и расплющил золотистый корпус новой установки.

— Осторожно,— предупредил Павел,— ускорение очень большое.

Иллюминаторы прикрыты, оставлены только щели. Но в них не падает свет Юпитера. Там чернота... Саша помог мне приблизиться к иллюминаторам. Я должна видеть, что там...

Впереди сгустились скопления очень ярких фиолетовых точек. Юпитера нет... Нет его гигантского колышущегося тела... Я скосила глаза в сторону — там редкие сине-зеленые вспышки в черном небе. Я оглянулась. И только сейчас заметила — тыловой иллюминатор открыт. Но там сплошная чернь... И вдруг в ней загорелось одинокое густо-красное мерцание, потом второе, третье... Я изумленно повернулась к своим спутникам:

— А где же... где он, Юпитер?..

Они молчали.

— А Солнце? Солнце где? Что все это значит?

Я оцепенела от ужаса. Я больше не спрашивала.

— Это значит, что мы летим прочь от Юпитера и от Солнца со скоростью, очень близкой к скорости света.— Павел говорил тихо.

— Сколько времени мы уже так летим?

— Минут двадцать, наших. А сколько прошло на Земле — не знаю. Никто не знает.

Вошел Сурен. Мягкая черная прядь прилипла к его вспотевшему лбу. Он сделал несколько шагов нам навстречу. Движенья у него замедленные и до предела усталые.

Павел и Саша повернулись в его сторону. Они молчали, они ждали. И Сурен непривычно вяло заговорил:

— Я испробовал все. Ускорение выше всяких норм. Хорошо, что оно хоть остается постоянным. Стабилизаторы все равно сработают. И мы перестанем ощущать эту страшную тяжесть. Но космоплан не подчиняется больше нашей воле. В реакторе уже не... пиозин, не протоны, а во сто крат более мощное топливо. А потом... — Он слегка пожал плечами. — Какой смысл сейчас управлять? Мы не знаем, где мы, мы не знаем, куда летим... Мы не знаем даже, где Солнечная система. И в этом обилии звезд... — Он вытянул руку, указывая на бесконечность фиолетовых горящих точек в щели переднего окна, — ...нам не найти нашего Солнца.

— Как не найти?! — Павел произнес это с угрозой.

И опять долгое молчание. Потом Павел Николаевич сурово сказал:

— Саша обязан определить, где мы и куда несемся. Сколько времени для этого надо, Саша?

Саша стоял вполоборота ко мне, он не отрывал глаз от застывших в боковой щели сине-зеленых огоньков:

— Кто знает! Может быть, дни, а может быть, месяцы и годы...

— Сурен! Мы должны взять космоплан в руки, заставить подчиниться себе. И мы должны отыскать еще... Это должен я... Найти возможность передать людям, где мы и что с нами...

Воля к победе была настолько сильна у Павла, что даже появилось ощущение: ничего особенного не произошло, только связь с Землей оборвалась на время.

— А сейчас плотно закрыть иллюминаторы. Надеть самую прочную броню, — приказал он. — Космические излучения, межзвездный газ, межзвездная пыль при нашей скорости — это снаряды колоссальной силы.

Мы не слышали скрежета сомкнувшихся щитов. Только Космос исчез. Теперь одни окуляры ракетных телескопов фиксировали небо. И мы никак не ощущали своей фантастической скорости.

— Нина Александровна... Вы наша кормилица. Какой у нас запас питания?

— Экспедиция была рассчитана на семь месяцев. Запас питания почти тройной. Два года очень хорошего высококалорийного питания. С учетом хлореллы, конечно.

— Так... Мы его можем растянуть на три, три с половиной года. Но, может быть, мы обречены на многие годы полета. Надо научиться делать питание здесь. Вы, кажется, работали в этой области?

— Да, десять лет тому назад.

— Теперь вам придется вновь этим заняться. Это вопрос нашей жизни или мучительной смерти. В нем и та польза, которую мы можем принести людям. А связь будет, обязательно будет! Мы вернемся на Землю! Не верить в это — преступление! Слышите?!

Мягко и ровно горели лампы дневного света. Картина на стене. Март Левитановский. Я подошла к роялю. Маленький, специально для Космоса инструмент. Взяла несколько аккордов. Я играла Лунную сонату...

Они не ушли. Они, все трое, молча слушали.

Страшно представить себе нашу обреченность: бесконечность Вселенной и нас четверых в металлической капсуле, несущихся неведомо куда, скорее всего к своей гибели.

Мы отлично понимали: слова Павла о возвращении на Землю — это мечта, но никак не уверенность. Но это то, во что мы обязаны верить. И мы верили!

Жутко об этом думать. Но если действовать, все выглядит иначе.

Гибель еще далека, пока она не подступила к нам вплотную. Мы ясно ощущаем будущее. А то, что оно совершенно неведомо нам... Так разве все мы, еще на Земле, не стремились помыслами в неизвестное?

Катастрофа сблизила нас, как сближает смертельная опасность.

Раньше, когда мы рассчитывали на семь месяцев экспедиции, нас связывало общее дело. На Земле находились дорогие нам люди, мы знали, что вернемся к ним, а это незабываемое время потускнеет.

А сейчас...

До самого последнего дыхания нас будет только четверо. Я Павла называю по имени и на ты, как будто он и Саша вдруг оказались моими детьми, такими же родными, как и Володя. И Сурен мне очень дорог.

У Юпитера мы были другими, чем на Земле... А здесь, среди абсолютной обреченности, мы стали иными, чем у Юпитера.

Только Павел такой же, как и раньше. То же увлечение, та же страстность. Признаюсь, я была даже неприятно поражена: что это за человек?! Неужели сам процесс познания для него самоцель?! Проникновение в тайны мира только ради самого проникновения! Но скоро я поняла: он фанатически верит в могущество человека и абсолютно убежден, если не в нашем возвращении на Землю, то в возможности связи с ней. Я подозреваю даже: тот опыт у Юпитера оставил после себя след. Но об этом Павел молчит. Значит, он еще не совсем уверен или не вполне разобрался. Но на результаты опыта возлагает большие надежды.

Мне кажется, что и меня новое положение сравнительно мало изменило. После смерти Володи собственная жизнь перестала иметь для меня большую цену. И теперь ничего не изменилось. Я сейчас очень нужна моим товарищам. А если будет связь с Землей, я многое смогу сделать и для людей.

А Саша и Сурен изменились. Это особенно заметно было в первые дни. Потом все вошло в свою колею. А сначала...

Я еще на Земле ознакомилась с биографиями тех, кто должен стать моими пациентами. Их состояние, их психика — это одна из задач экспедиции. И мне поручено решить ее.

Сурен Арутюнович — баловень судьбы. Единственный сын крупного партийного работника, он с детства жил среди внимания и достатка. Мальчика любили, немного баловали, но, главное, по-настоящему воспитывали. В его жизни не было срывов. Он прекрасно учился. Потом стал выдающимся инженером, женился, прекрасный семьянин. Он немного снисходителен к людям, потому что привык быть всегда на виду, как привык к хорошей одежде. Но прежде всего он инженер, упорный, всегда в поиске.

Сейчас он дотошно следит за собой, за своим костюмом, ногтями, волосами... Я понимаю: он старается отвлечься.

А Саша не знал ни отца, ни матери, вырос в детдоме, проказливый и немного насмешливый мальчишка. И когда я вижу его застывшего в одной позе, такого безразличного к своей собственной особе, мне хочется обнять его за плечи и сказать:

— Ничего, мой родной! Будущее пока еще за нами!

Он только на год старше моего Володи.

В их лицах, Сурена и Саши, есть что-то общее. Что? Растерянность? То и не то... Апатия? Безднадежность? Нет! Не то. Тоска? Может быть. Вера в будущее? Очень мало, это подогревается искусственно. Боль по невозвратимо утерянной Земле? Да, есть... Но есть и сила. Они из тех, кто с детства активно врывается в жизнь, кто ищет боя и для кого битва — необходимейшее.

И мне отрадно, что это последнее с каждым днем все нарастает и нарастает.

Жизнь среди бесконечности становится буднями.

3

Крошечная кабина. Она совсем не напоминает те огромные солнечные лаборатории, где я работала десять лет тому назад.

Синтезировать белки мне поможет хлорелла, маленькая одноклеточная водоросль. Это очень неприхотливое растение, оно хорошо усваивает энергию света и исключительно быстро размножается. Белки хлореллы состоят из полного набора аминокислот, необходимых для питания, в ней много витаминов, углеводов и других ценных веществ.

Хлореллы мало. Хотя с Земли мы взяли ее изрядный запас. Она играет значительную роль в нашем рационе. Но мы совсем не рассчитывали путешествовать многие годы!

Невыполнение хотя бы одного из заданий Павла обесценивает работу остальных и неизбежно ведет к гибели.

И мы работали, мы даже не встречались...

Четкая размеренная жизнь: работа — питание — сон — работа — необходимый минимум физических упражнений. Режим, строгий режим. Иначе нервная система сорвется, выйдет из повиновения, иначе упадет трудоспособность.

Кроме хлореллы, мой главный союзник — микроорганизмы. И первое, с чего я начала, — разведение культур микробов. Хорошо, что материала оказалось у меня больше чем достаточно. Проследить на простейших влияние Космоса — было одной из моих задач у Юпитера. Я взяла очень много подопытного материала. И сейчас отбирала нужное мне. Микробы чувствовали себя на космическом корабле превосходно, несколько не хуже, чем на Земле. Надо найти только для них самую благоприятную среду, повести их развитие в нужном направлении.

Однажды Павел Николаевич пригласил нас всех в салон. На минуту приоткрыл жалюзи на окнах. Мы оглянулись, в сплошной темени мерцали одинокие тускло-красные вспышки. И казалось, одна из них — наше Солнце.

Саша высказал это:

— Кто может сказать правду о тяготении? Может быть, оно и сейчас направляет нашу ракету? Скорее всего именно так и есть. Мне кажется, очень велика вероятность того, что мы летим к центру Галактики, куда-то туда, к созвездиям Стрельца, Скорпиона или Щита. И может быть, одна из звезд...

Он осекся. Но я поняла, он хотел сказать: и может быть, какая-нибудь звезда вот этих созвездий — поглотит нас...

— Я вас собрал сюда не для того, чтобы предаваться мрачным мыслям. И приоткрыл завесу в Космос не для того, чтобы напомнить о нашей обреченности...

Павел говорил медленно, неодобрительно, и лицо его покрылось густой краской раздражения.

— Я хотел вам напомнить о Земле. Нашу жизнь сейчас люди очень дорого ценят. И работать надо. Но не так, как до сих пор.

Он опять прикрыл щиты на иллюминаторах.

— Мы живы, работаем! А это счастье! Мы должны ощущать радость жизни, радость дружбы, радость общения. Иначе ничего не выйдет! Ничего необыкновенного не произошло! Понимаете? Ничего! Мы работаем так, как всегда. И каждый день будем собираться для отдыха. А сейчас... Нина Александровна, сыграйте нам то, что вы играли в тот вечер...

4

Павел нарушил свой приказ. Через несколько дней он не пришел к нам в салон. Я села к роялю, а Саша вполголоса начал декламировать:

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла...

Но Павла не было, и это беспокоило.

Вошел он неожиданно и очень тихо. Мы все почему-то оглянулись.

Павел стоял на пороге и весь светился. Да! Да! Светился вдохновеньем, радостью. Его лицо изменилось до неузнаваемости, бледное, ошеломленно счастливое. Он хотел, но не мог выговорить ни слова... Наконец, сказал:

— Связь с Землей есть!

В торжествующей интонации его голоса было все: Земля... Надежды... Жизнь... Кажется, я заплакала, а Саша обнял мои плечи. Павел пытался улыбаться, но его губы скорее кривились...

— Вот... поэтому... я... опоздал...

А Саша шептал:

— Нина Александровна! Милая Нина Александровна!

И опять все изменилось. И опять мы стали другими. Об этом я думала уже ночью, отдыхая в удобной постели.

На Земле так устоячива психика людей потому, что стабильны сами условия жизни. А здесь... Все время ждешь чего-то, и все меняется. И вот сейчас весь мир перевернулся.

Значит, Павел не утешал нас, а знал: мы вернемся, мы обязательно вернемся!

В этот момент сознания первой победы мне почему-то вспомнилась Ангола.

...Холера в стране... Извивающиеся тела на цыновках... Десять дней вдали от госпиталя. Медикаменты иссякли. Я возвращалась вечером. Солнце уже низко. Пальмы широколистые. Черные тени. Сейчас солнце упадет в ночь. И сразу тропическая темнота завладеет миром. Из домика, где жили мы, выбежала Нэнси... Она присматривала за Володей. Я не могла разобрать ее слов, но все уже знала. Плач похож на завыванье.

А на моей большой постели среди измятых влажных простыней бесильно лежал Володя, маленький и такой беспомощный. Наш главврач поднялся от его изголовья.

Я бросилась к сыну, прижала к груди его горящее тело. Он был такой худенький, что даже кожа западала между ребрами. Но узнал меня: его глаза потеплели...

Какая же я мать! Какая мать! Привезла сюда, в эту заразу, своего дитя! Но тогда я сумела вырвать сына у смерти. Не сберегла я его потом...

И сейчас мне хочется без конца повторять его последние слова: их много, а я один!

Да, их на Земле много, а нас только четверо!

Наши сигналы уже идут, идут, идут к Земле. И все равно их когда-нибудь люди поймут!

Автомат в течение десяти суток шлет одно и то же сообщение.

Павел для передачи информации использовал ту установку, которую Саша собрал у Юпитера. При помощи мезонов реактора создавалось новое поле, способное вызывать в протонной радиации планет уже знакомое нам двухангстремовое излучение. И люди Земли не могут не обратить внимания на правильную последовательность сигналов, идущих от протонного слоя. А расшифровать сообщение для них не составит труда.

Мы начали регулярно посылать научную информацию на Землю, правда, очень скупую, лаконичную. Павел сам отбирал наиболее ценное.

Павел был убежден, что стихия, несущая наши слова людям, движется со скоростью, в тысячи раз превышающей скорость света.

5

Саша был менее терпелив, чем Павел. И не стал ожидать вечера, когда мы все соберемся. Требовательный сигнал: немедленно все к командиру! — оторвал нас от привычной работы.

В кабинете Павла, сплошь уставленном приборами, мы едва вместились. Саша сиял, он возбужденно смеялся, беспричинно трогал все, что попадало ему под руки. И сразу же начал докладывать звонким юношеским голосом:

— Мы несемся к центру Галактики в направлении созвездия Скорпиона. Наша скорость очень близка к скорости света...

Итак, вырвана вторая победа: мы знаем направление полета. Теперь слово за мной и Суреном. Но прежде, чем мы внесли свой вклад, прошли долгие годы.

Но тогда, в тесной кабине Павла, нам, окрыленным второй удачей, казалось, что все решится очень скоро.

Мы поздравляли Сашу, любовались им. В его мальчишеской непосредственности искрилась такая радость, как будто повеяло весной.

Ему удалось уловить и характер нашего движения. Мы летели сейчас с очень небольшим ускорением, видимо, силы, действующие в реакторе, уже начали истощаться.

— Сурен, надо проверить оставшийся запас пиозина и протонов, — как бы между прочим, мельком сказал Павел.

— Я знаю. Я уже пробовал...

Тогда, в минуту торжества, я не обратила внимания на эти две короткие фразы. Их смысл всплыл потом.

Мы пытались представить: что сейчас происходит на Земле. Какой она стала? Казалось диким, что там промелькнули уже многие десятилетия и никого нет из тех, кого мы знали. А сын Павла... Без нас появился на свет и без нас состарился. Как прошел он по жизни? Какие следы оставил?..

По нашим подсчетам, там уже 2150-е годы. Для нас Земля прежняя, такая, какой мы ее видели. Там напряженная борьба. Борьба между справедливостью и насилием. Но рабства больше нет. Не осталось его даже в самых недоступных джунглях, только заметны еще страшные его следы — нищета и болезни. Такой я помню Анголу.

Какая же сейчас Земля?

Осуществилось ли то, о чем мечтали мы?

Информация с Земли не могла догнать нас. Но наша поступает к ним. Читают ли они наши сигналы?

Мне трудно понять, как Саша ориентировался в этом фиолетовом скопище звезд. Но делал он это прекрасно...

Постепенно вид неба начал меняться, это заметила даже я.

Звезды более равномерно рассеялись вокруг нас. И цвет их стал другим, каждая приобрела свой собственный оттенок.

Это произошло на третьем году наших блужданий в Космосе. Особенно четко выделилась одна звезда, она все нарастала и нарастала, постоянно оставаясь перед глазами. Саша объяснил: наш путь пролегает слишком близко к этому светилу. И оно, затормозив наше движение, исказило траекторию полета ракеты, пытаясь затянуть корабль в свои владения.

В нашем небе появилось два солнца. Одно, чья могучая власть тяготела над нами, красное и большое; второе — звезда, желтоватобелая, более горячая, но и более далекая.

— Наше главное солнце, — сказал Саша, — Анлорес В. Его не видно с Земли невооруженным глазом. Мы знаем только Анлорес А. От Солнечной системы его отделяет расстояние в триста световых лет. — Он помолчал, как бы давая нам возможность подумать. — Анлорес В. по массе и размерам почти такой, как солнце, но температура его поверхности ниже, около четырех тысяч градусов.

— Может ли поглотить нас одна из этих звезд?

— Это, конечно, спросила я.

— Поглотить? Нет. Есть уже все основания предполагать, что мы стали кометой в системе Анлореса...

— Кометы очень близко подходят к самой звезде...

— Пока нам нечего опасаться. Скорее всего период нашего обращения — сотни лет. И когда ракета подойдет к Анлоресу совсем близко, настолько близко, что жар звезды сможет расплавить стенки космоплана, нас уже не будет в живых. А сейчас — займемся исследованием системы Анлореса.

— А планеты у нее могут быть?

— Конечно...

— А жизнь?! — Это уже вопрос Павла.

— Раз могут быть планеты, то возможна и жизнь, — ответила я.

6

Какая сила заставила нас двигаться с субсветовой скоростью?

Ответить — значит сделать почти возможным наше возвращение на Землю. Сейчас в нашем положении есть какая-то жертвенность. Пусть вынужденная, но все-таки жертвенность. Мы, конечно, до самого последнего дыхания будем слать свои сигналы к Земле... Но сделать возможным возвращение...

Я понимаю, это сказка, детское утешение...

Сурен исследовал запасы нашего горючего. Протонов осталось совсем мало, и они шли на связь с Землей.

Нам не пролететь к Земле и тысячной доли пути, даже если бы мы знали, как это делается.

А Павел ищет страстно, напряженно, ищет разгадку нашей трагедии. Такова логика и сила человеческого разума!

Может быть, эта новая стихия, эти новые частицы подобны всепроникающим нейтрино..?

— Нет, — отвел эту мысль Павел, — если бы это было нечто, подобное нейтрино... Оно проникло бы сквозь защитную оболочку и свободно прошло бы сквозь массу протонов... А оно вызывает реакцию, то есть взаимодействует с протонами, частицей, имеющей электрический

и барионный заряды. Эти неведомые частицы ни того, ни другого заряда не имеют, иначе мы бы их обнаружили. Значит, протонам, как и этим частицам, присущ еще какой-то — третий заряд. Протоны — ядерные частицы. Но почему это излучение не действует на атомное ядро, оно не разрушает вещество, ядра атомов? Ни наш космоплан, ни мы сами — ничто не пострадало — все осталось таким же, как и прежде. Взаимодействие происходит только со свободными протонами и взаимодействие двоякое. Если протоны сконцентрированы в единую массу, как было у нас, — реакция развивается бурно и стремительно. Протоны перерождаются в неизвестный нам вид материи. Это происходит с колоссальным выделением энергии. А если протоны рассеяны, как в радиационном поясе планет, генерируется только строго определенное двухкангстремовое электромагнитное излучение.

И опять, все опять и опять, возвращался Павел к тайне гравитации. Может быть, в ее разгадке ключ к нашему спасению?

Теория единого поля! Мечта Павла еще с юности... И в нашей судьбе он видел бездну возможностей и предположений для создания этой теории... И, может быть, поэтому он так мало чувствует безвыходность нашего положения?

У Анлореса есть планеты! Саша уверенно преподнес нам очередное открытие. Сколько? Пока неизвестно. Нас особенно интересуют те из них, которые находятся в зоне жизни, вблизи самой звезды, где достаточно света и тепла. Такую планету найти не легко: она все время в лучах ослепительного светила.

Но когда Саша доказал ее существование... Для нас это явилось не просто радостью: наверно, Колумб с таким же восторгом смотрел когда-то на впервые увиденную им землю.

К этому времени реактор космоплана уже не действовал. Пиозина осталось слишком мало для бурной реакции. Мы летели, подчиняясь только силам тяготения. Но если пустить в двигатель не успевший прореагировать пиозин, мотор оживет. А пока мы летим с обычной скоростью, на которую рассчитан космоплан: 5000 километров в секунду, корабль управляем. Мы взяли курс к новой планете, к новому миру.

Итак, вперед, в неведомое, а может быть, в мир неизвестной жизни!

Но прежде, чем этот мир открылся нам, произошло нечто совершенно необъяснимое.

Впереди космоплана находится щуп для метеоритов. Он улавливает все твердые образования на трассе полета и сжигает их...

И вдруг... щуп молчал... Щуп не обнаружил опасности. Метеорит налетел на нас с тыла... Это невероятно. Но это так. Вернее, это был не метеорит, а что-то абсолютно непонятное.

Случилось это днем, в момент напряженной работы.

Резкий крик Саши. Не сигнал тревоги, а именно крик.

Мы увидели его у ракетного телескопа очень бледного, ослабевшего.

Вид неба оставался обычным. Темень Космоса и очень много ярких немигающих звезд.

Здесь больше ярких звезд по сравнению с Космосом у Земли: мы ближе к центру Галактики, и плотность светил увеличилась. И вдруг все звезды потускнели. Как будто пелена затянула глаза, так Саша и решил сначала. Он скосил взгляд в сторону приборов. И в этот момент закричал. Автомат отметил не только то, что звезды померкли, но большинство из них, в том числе и наша планета, исчезло. Сам Анлорес расплылся, разлился сиянием. Свет его не обжигал больше глаз.

Создалось впечатление, что какая-то полупрозрачная масса обволокла космоплан и продолжает мчаться вместе с ним. Нет! Это был не сон! Не галлюцинация! Это длилось около десяти часов.

Потом небо очистилось, облако удалилось так же незаметно, как и спустилось.

Перемен не произошло никаких.

Мы мчались по курсу к нашей планете. Мы свыклись с мыслью, что она наша.

Космос оставался прежним. Оранжево-красный, четко очерченный диск Анлореса, сияние его желтоватой звезды-спутника и бесконечное множество ярких немигающих звезд.

Джолия — планета оранжевой звезды

(Окончание записок Нины Орловой)

1

Павел и Саша спорили. Спорили резко, может быть, даже грубо, а главное, азартно.

Павел стал пунцово-красным, он был взбешен, что кто-то смеет думать не так, как он.

— Не спорь! Не спорь о том, чего ты не понимаешь! Жизнь развивается, подчиняясь определенным закономерностям. Одноклеточные — многоклеточные — высшие формы жизни. И подлинно разумными существами может быть только наивысшая форма — существа, подобные человеку, с тонкой нервной системой, с мозгом.

— А мне кажется, что может быть что-то совсем непохожее.

Саша улыбался особенно приветливо, как умел улыбаться только он один, но упорно стоял на своем.

Павел с досадой отвернулся, всем своим видом говоря: ну что тебе доказывать!

Меня радовала их горячность. А еще приятно было от того, что этот разговор сейчас совсем не отвлекающий, совсем не беспредметный. Он сейчас неизбежен и необходим.

Мы на подступах к новому миру. Издали планета розовая.

И на ней, вне всякого сомнения, возможна жизнь. И, может быть, такая, как наша?

Неужели мы осуществим давнюю мечту! Найти братьев по разуму... И, может быть, люди на Земле узнают об этом? Сколько лет прошло на Земле?

Странно думать, что там, в пропасти веков, уже ничего не осталось привычного для нас.

Мы стояли на пороге нового Солнца и новой Земли. Мы уже знали, что она немного больше нашей планеты и, значит, ходить по ней будет тяжелее (а особенно сейчас — после невесомости). Она щедро обогревается своим Солнцем, но мы не могли определить состав ее газовой оболочки. Сначала мне показалось, что атмосфера носит ярко выраженный восстановительный характер: я обнаружила в ней вместе с парами воды аммиак, метан, сероводород... Но вдруг увидела ясные линии молекулярного кислорода и азота. Концентрация этих элементов прыгала в самых широких пределах. А приборы были в полном порядке. Я уверена. Я сама их очень тщательно проверяла.

Новый мир стремительно приближался. И скоро превратился в огромный мутно-розовый шар. Нас отделяло расстояние в двести тысяч километров.

— Какое же имя дать этому розовому миру? — спросил Павел.

— А мы подождем называть его, — с готовностью ответил Саша. —

Возможно, там есть разумные существа, и они уже как-то называют свою «Землю». И мы сохраним это имя.

— Нет! Мы дадим свое! — неожиданно для себя возразила я. — Пусть эта планета будет Джолией. Ведь, правда, звучно: Джолия?

Мне, как семнадцатилетней девчонке, в этой розовой дымке мерещился сказочный мир, полный романтики, тайн и все-таки похожий на земной. Зеленые деревья, яркие цветы... Мне так хотелось притронуться к их листьям. И возникло даже чувство, будто я изменила своей ясной Земле.

Мы легли на курс облета. И как спутник планеты начали двигаться по круговой орбите, пытаясь тщательно исследовать ее воздух, радиацию, температуру твердой оболочки.

И опять я не могла узнать, сколько же кислорода содержится в ее атмосфере. Я настроила ультраспектрофотометр на полосы молекулярного кислорода. Полосы были яркими, четкими. Присутствие кислорода несомненно. Но сколько? Результаты все время разные — то 2; то 15, то 20 процентов — и почти одновременно и почти в одном и том же месте.

— Что за дьявольщина! — сквозь зубы прошептал Павел и сам сел за прибор.

От бесконечной и необъяснимой чехарды цифр я одурела.

И у Павла точно так же прыгали результаты, точно так же менялась яркость линий кислорода.

А в кабине корабля прибор действовал безотказно, содержание кислорода определялось однозначно.

— Ну, что ж, — наконец решил Павел, — приблизиться к планете можно, даже если точно не известно содержание кислорода.

Мы двигались к Джолии по спирали. И на расстоянии восьмидесяти тысяч километров от ее поверхности попали в поток непонятной радиации. Сначала мы предположили, что это такой же электронный или протонный пояс, каким окружена наша Земля. И Саша сразу же сделал вывод:

— Ага! Значит у Джолии есть магнитное поле!

А Павел молчал... Он совсем не уверен, что это знакомые нам протоны или электроны!

Беспорядочно метались стрелки на дозиметрах космического излучения. Павел стоял перед приборами и молчал. Его лицо казалось злым.

— Ничего... ничего... не понимаю... — И немного спустя взволнованно добавил: — Я даже понять не могу, имеют ли эти частицы заряд... И какой? Это какие-то трехликие частицы...

В этот момент корабль стремительно рухнул к планете. От резкой неожиданной перегрузки я на мгновение потеряла сознание.

Когда пришла в себя, дверь в кабину была открыта и Павел кричал Сурену:

— Немедленно выходить из радиации! Против этих лучей защита не стоит! Они разрушают пиозин...

Я услышала голос Сурена, слов не разобрала.

Космоплан выровнялся и ринулся вверх.

Мы опять легли на орбиту над поясом радиации на расстоянии ста тысяч километров от планеты. Предоставив управление космопланом автоматам, собрались в салоне. Отсутствовал Сурен. Он исследовал скудные запасы горючего. Как повлияло на него излучение?

Наши тела удобно покоились в креслах. Тепло, уютно. Вокруг незримое присутствие тех далеких дорогих людей, которые собирали нас в этот путь. Когда мы в салоне, я всегда вспоминаю о них.

А розовая планета совсем близко, огромная, по-земному сияющая, но отделенная от нас непонятной преградой.

Жизнь... Там обязательно должна быть жизнь.

Я мельком взглянула на Павла. Его лицо страшно поразило меня. Замкнутое, даже угрюмое, с опущенными тяжелыми веками. Никогда у него не было такого лица. И век таких тяжелых не было, и таких острых скул.

— Что с тобой, Павел? — Он поднял на меня светлые, совсем спокойные глаза. — Что-нибудь случилось?

— Нет... нет... Что вы!

Вошел Сурен. Его движения замедлены. Так всегда в минуты острого волнения. Он боится сказать необдуманное, случайное слово, говорит глухо:

— Я очень немного могу сообщить вам. Горючего нам хватит только для того, чтобы благополучно сесть на планету. Вещество или... поле пояса радиации сквозь защиту проникает в реактор двигателя, искажает обычный процесс. Космоплан теряет способность управляемо двигаться.

— Исследовать эту радиацию. Но как?! — Это сказал Павел, его лицо покрылось синеватой бледностью. — Приблизиться к поясу радиации! Сейчас же! Время не терпит!

И мы опять двигались вокруг планеты как ее спутник в течение двадцати земных дней.

Частицы, действительно, оказались трехликими. В одном случае они вели себя как отрицательно заряженные, в другом — положительно, а иногда как нейтральные. И мы установили, что для нас опасно только это нейтральное вездесущее излучение. Отрицательные и положительные состояния частиц нас не беспокоили.

И что хуже всего: мы не улавливали закономерности в чередовании зарядов частиц.

А розовая планета медленно вращалась, соблазнительно близкая, полная тайн и какой-то жизни.

Мы опять в салоне космоплана. Павел, как и всегда в особенно ответственные минуты, не сидит, а стоит.

Он приказал открыть все иллюминаторы. Исчезли стены, осталась лишь прозрачная, слегка люминесцирующая желтизною оболочка. Только она отделяла нас от бездны пространства и времени. Справа от меня, надо мной и под ногами был черный Космос с обилием немигающих, мертвых звезд, с восходящим ослепительным светилом — Солнцем Джолли, а слева — сама планета, мутная и тоже сияющая. Павел говорил решительно. Он все обдумал.

— Большое счастье встретилось нам на пути. Эта планета вне всякого сомнения живая. То, о чем мечтали люди, — обнаружить в Космосе жизнь, — нашли мы первыми. У нас сейчас надежная связь с Землей. Даже в случае нашей гибели на Земле многое узнают... Но истратить все горючее для того, чтобы опуститься на неведомую планету... Должны ли мы это делать?

— Только так и может быть, — тихим горячим шепотом вставил Саша.

Сурен и я молчанием подтвердили свое согласие. Начался спуск к планете.

Тысячекилометровый пояс радиации миновали благополучно, нейтральное излучение не встретилось на нашем пути. Все ниже... и ниже... Раскаленный воздух охватил космоплан. Нарастала тяжесть и тупая боль во всем теле. И возникло что-то знакомое, не мучительное, а именно знакомое, знакомое много-много лет назад...

Земля! Земля! Родная Земля! Меня задушили эти земные воспоминания. И вдруг сильнейший взрывной удар.

Павел рванулся в аппаратную. За ним шатающаяся тень Саши. Я двинулась туда же почти ползком, с трудом преодолевая боль и страшную тяжесть.

Но в аппаратной все в порядке, у пульта по-прежнему Сурен. Только лицо его искажено невыносимой болью: щеки, лоб, шея — все побагровело, посиневшим ртом он жадно ловит воздух.

Космоплан «Вперед!» остановился, замер, придавленный собственной тяжестью на чужой земле.

И мы все, несмотря на сильнейшую физическую слабость, как-то сразу к чему-то прислушались. Там, в Космосе, была беспредельная Вселенная, и были мы — больше ничего.

А сейчас за плотно прикрытыми иллюминаторами не пространство беспредельности, а чужой мир, куда мы вторглись непрошеными, мир, может быть, с враждебной нам жизнью. Наверно, только неведомая опасность создает чувство одиночества.

И Павел еще сказал (он никогда не скрывал от нас трудностей), что взрыв не прошел бесследно. Мы все-таки попали в поток губительного для нас излучения. Автоматы отвели космоплан в сторону. Но все запасы протонов, оставленные для связи с Землей, уничтожены. Их нет. И возродить их снова невозможно.

2

Когда мы открыли окна, чтобы увидеть чужую землю, на планете был рассвет. Над горизонтом висела утренняя звезда Анлорес А, яркий белый диск, величиной с десятикопеечную монету.

Беспредельная тускло-серая равнина лежала перед нами. Предрассветные сумерки длились долго. Но постепенно все начало наливать-ся густой краснотой. И только когда из-за плоского края планеты показался невероятно огромный и сияюще красный диск солнца, — вокруг посветлело. Перед нами возник непривычный пейзаж. Насколько хватало глаз расстиралась все та же равнина. И на ней странные растения: в метр высотой, тонкие, прямые, как бы негнущиеся (или в воздухе была абсолютная тишина?). Растения коричневые, и среди них кое-где разбросаны камни более светлого оттенка. Странно, что камни эти почти одного размера, и одной формы — яйцеобразные.

День ясный, со светло-розовой прозрачной вышиной поднимался над нами. И нам особенно дорогой показалась эта сияющая вышина! Нас вернуло к действительности резкое восклицание Саши. Эти «камни», эти странные «камни» были живыми! Сейчас мы ясно видели, что они буро-коричневые с ржавыми полосами. Они заметили нас! Они двинулись нам навстречу, пригибая твердую, упругую траву. Они ползли бес-порядочно, не общаясь друг с другом. Мы не могли понять, как и за счет чего они передвигаются и где те органы чувств, которыми они уловили наше появление.

— Смотрите! Смотрите! — громко закричал Саша.

И мы увидели, что стрелки на космоулавливателях резко взметнулись, указывая на радиацию, все ту же нейтральную вездесущую радиацию. Мы закрыли иллюминаторы. Но указатели приборов все-таки чуть-чуть дрожали. Излучение очень слабое, в миллионы раз меньше того, которое встретило нас на подходе к верхним слоям атмосферы. Но оно есть!

— На Земле известны скаты, — не знаю почему так тихо начала я говорить, — морские животные, каким-то непонятным образом выраба-

тывающие ток высокого напряжения. Они этим током поражают свои жертвы. А эти... Неужели они вырабатывают ядерное излучение?

— И кто их жертвы? — задумчиво вставил Павел.

Так нас встретила эта планета — чужой и определенно смертельной для нас жизнью.

Когда мы вновь открыли защитные шторы, яркое солнце поднялось почти к зениту. Вся необъятная равнина залита его ровным горячим сиянием. По-прежнему тихо в степи. Не колеблется жесткая трава. А бурые «камни», чувствуя наше присутствие, явно беспокоятся.

Оставив Сашу наблюдать, мы ушли на отдых. Проснулась я через несколько часов и сразу же потянулась к окну.

Саша все так же стоял у прозрачной стены и смотрел в степь. И лицо у него не только усталое, а измученное. Несвойственное Саше болезненное выражение страха застыло в глазах. Я хотела спросить: что с тобой? ты заболел?

Но сама посмотрелась в серо-коричневую даль, и, признаюсь, мне стало жутко. Жутко, несмотря на то, что яркое светило обливало лучами равнину. Но что-то непередаваемо ужасное было в этой степи. Застывшая трава, ползущие «камни», и больше ни единого намека на жизнь.

Саша прикрыл ладонями лицо, а когда отнял их, я в его взгляде увидела смертельную тоску.

— Мне... тяжело здесь... — сказал он. — Не знаю почему, но какие-то дурацкие мысли лезут в голову... Я видел там... далеко... какие-то странные расплывчатые тени... Но не в этом дело... В воздухе есть что-то...

— Иди, отдыхай.

Оказалось, действительно, даже после сна очень тяжело стоять у окна и наблюдать. Ничего не изменилось в степи, она оставалась прежней, пустынной, никакого движения, ни ветерка. Тучи, грозовые, мохнатые и низкие, собрались на горизонте. У нас, на Земле, обязательно разразилась бы гроза, грянул освежающий дождь. И все очистилось бы... Но здесь они, такие тяжелые, синие до черноты, расходятся в знойном небе.

А меня одолевали мучительные мысли. То мне вдруг казалось, что все вокруг горит, полыхает огнем и мне надо куда-то бежать, вырваться из этого пламени. То меня охватывала безысходная тоска, полнейшее бессилие. Я с большим трудом заставляла себя оставаться на месте и смотреть, только смотреть в горячую и твердую степь.

Чтобы отвлечься, попробовала снова определить кислород в воздухе планеты. Результат оказался неожиданным, но совершенно определенным. Вблизи «камней» содержание кислорода доходило до 50%, а по мере удаления от них — резко падало.

У самых «камней» не было сероводорода, метана, аммиака. И все-таки эти газы присутствовали в атмосфере.

«Камни» выделяют огромное количество кислорода! Это несомненно!

Не знаю, когда подошел Павел, помню только его голос.

— Нет, так дальше невозможно. Излучение проникает сквозь энолит и травмирует наши нервы. Закройте иллюминаторы!

Мне показалось, что на этот раз со страшным скрежетом опустились защитные шторы.

— Прежде всего, — начал Павел, — мы должны узнать сущность этих странных «камней». Что это такое? Откуда этот кислород и излучения? Это излучение — их оружие. Возможно, что внутри этих существ происходят ядерные реакции...

Мы выжидали пять дней. За это время кое-что поняли: камни оживают только на свету, вместе с заходом солнца они теряют способ-

ность двигаться, излучать, выделять кислород. Эти странные образования казались нам лишенными всяких органов чувств. Но вместе с тем в их поведении было что-то разумное. Некоторые из них явно обследовали наш корабль. С неприятным скрипом они соприкасались с обшивкой космолана.

Потом они уползли в глубь степи. Что это? Чей-то приказ? Или их собственное решение?

На шестые сутки мы осуществили опыт, предложенный Сашей. Взяли под обстрел пиозином «камень», находящийся от нас километрах в пяти. Вспыхнул взрыв, подобный ослепительному, всепожирающему пламени атомной бомбы. И от камня ничего не осталось — только немного серо-серебристого пепла. А его сородичи не обратили никакого внимания на эту вспышку, они лежали, как и прежде, неподвижные, почти мертвые. Это подтвердило, что они лишены даже самых примитивных ощущений. Ночью при помощи щупа метеоритов мы собрали немного пепла.

Анализ был готов через два часа. Оказалось, это... это двуокись германия...

Германий... Германий... — я была совершенно ошеломлена, — это сравнительно редкий элемент на Земле и во всей нашей Галактике, По своим свойствам он примыкает непосредственно к кремнию и углероду. Углерод — это основа жизни на Земле. Значит... Значит... где-то есть германиевая жизнь.

— У ядра германия, — с изумлением делал свое сообщение Павел, — очень много изотопов, целых восемнадцать, есть изомерные ядра. Видимо, каким-то реакциям, происходящим внутри этих ядер, «камни» и обязаны своим могуществом.

И Саша все недоумевал:

— Германиевая жизнь... Германиевая, а не углеродная... И... и... наконец, физиологическое ядерное излучение.

— Мне кажется, — задумчиво перебил его Павел, — здесь не обошлось без Разума... Мы еще увидим их, подлинных властителей этого мира!

И опять наступила ночь, бархатисто-темная, с непривычными мерцающими созвездиями, ночь, полная непонятной, неведомой жизни.

— Прожектор не включайте, — тихо сказала я, — мы можем отпугнуть... их отпугнуть...

А кого «их»? Мы и сами не знали, но ожидание было очень напряженным. Откуда эта уверенность, что они обязательно придут? Не знаю. Но нам казалось несомненным присутствие на этой «Земле» Разума.

Саша первым увидел приближающееся к нам облако. Оно казалось густым и темным, как грозовая туча, только внутри него можно было различить множество тускло-красных огоньков.

Мы приготовились к встрече с неведомым, открыли шторы и замерли в своем убежище, правда, приятно сознавая, что энолит не пробьет пуля и огонь не возьмет.

Густая вязкая масса прикрыла космолан, к энолиту прижалось что-то темное, пульсирующее, колеблющееся, как волны. Какие-то тени металась там.

А ведь это уже было когда-то!

Там в просторах системы Анлореса, когда звезды вдруг померкли... Необъяснимый метеорит!

Появилось ощущение, что нас упорно и долго рассматривают. Мы сжались перед этим многоликим взглядом. Сурен включил прожектор, и мутная масса как-то сразу подалась, начала удаляться... И вдали мы опять увидели красные огоньки...

Мы ожидали, что «оно» появится днем, как это бы сделали мы сами. Но весь день равнина оставалась пустынной. Только желтые «камни» продвигались по ней. Они казались полновластными властителями планеты.

А ночью опять началось необычное. На этот раз мы укрылись от пристальных наблюдающих глаз. И только приборы показывали, что, как и вчера, густая масса припала к энолиту. Это живое существо? Или же умный прибор? И снова в охватившем космоплан облаке то там, то здесь сгущались тени, иногда вспыхивали искры. А вокруг — прежняя тишина.

Мы до конца выдержали это испытание, до самого рассвета.

Иногда чудилось, что липкая жидкость ощупывает нас. С первыми лучами солнца «облако» плавно поднялось ввысь и скрылось в розовой дымке.

На третью ночь мы, наконец, увидели их. Это реальное и вместе с тем необычное до жути зрелище мне никогда не забыть. «Облако», как и прежде, подползло совсем близко, но на этот раз не опустилось на энолит. Красные огоньки застыли метрах в ста от космоплана. И вдруг они начали переливаться синими, фиолетовыми, зелеными оттенками, и на «Землю» посыпались странные фигуры, большеголовые и тонкорукые, на коротких ногах. Шесть фигур двинулись к космоплану, и чувствовали себя абсолютно спокойно в лучах прожектора.

Мы жадно рассматривали их. Возникло представление, что они хотят что-то объяснить или показать нам. Значит, они признали в нас братьев по Разуму!

— Нина Александровна! — Я оглянулась на Сашу. — Не кажется ли вам, что они в скафандрах?..

И мы поняли, что это так и есть. Но почему же существа этой планеты ходят по своей земле в защитных костюмах?

— Неужели и они откуда-то? — опять спросил Саша.

— А может быть, они живут в воде? — Павел предложил это, как более вероятное. Но я сразу же возразила:

— Это трудно представить. Во время первого облета мы видели, что на планете нет больших открытых водоемов...

— А подземные воды?

— Может быть... Но Земля доказала нам, что именно на суше создаются наиболее совершенные формы живых организмов.

— Вы тоже считаете, что они пришельцы?

— Я пока ничего понять не могу...

А странные фигуры стояли уже перед самым космопланом. Мы напрыгали зрение, чтобы разглядеть их. Но это нам не удалось. За плотными стенками скафандров мелькало что-то неуловимое, расплывчатое, едва заметное.

В эту ночь знакомство не состоялось, но...

Павел первым обратил внимание на сигналы, поступающие в наш приемник. И вдруг быстро включил телевизор. Экран «заговорил»...

— Смотрите! Смотрите! — крикнул Павел. — Они обращаются к нам... Они поняли принцип телепередач... Они показывают...

Я увидела, что существа перед космопланом, как бы убедившись, что мы наконец-то поняли их, рассеялись в темноте.

А экран горел белым пламенем, по которому метались густо-фиолетовые до черноты полосы.

Почувствовав боль в глазах, я закрыла веки.

— Наденьте очки, излучение очень жесткое.

Экран стал багровым. Из красного сумрака выступило странное видение.

Ярким зловещим светом озарено грозовое небо. Это небо непомерно огромное, оно занимает почти весь экран, только в правом углу прижался совсем крошечный клочок суши. Тяжелые тучи, снизу темные, а сверху яркие. Оттуда, из глубин этого светящегося верха, мчится огненный смерч. Он не один. Вдали, уменьшенные расстоянием, такие же горящие вихри раскинуты по небу. А на обрывке суши — выходящие из пламени смерчей красные яйцообразные «камни».

— Что такое? — шепнул Саша. — Неужели они откуда-то?!

Экран опять изменил свой оттенок, стал сначала коричневым, а потом розовым...

Джолия была перед нами. Мы узнали очертания ее материков, ее скудных водоемов. Мертвая планета. Скалы, скалы, да сыпучий красный песок, кое-где обмелевшие озера.

Мы следили за тем, как «камни»-пришельцы будто пожирали этот каменистый грунт. Потом поднялась коричневая островерхая трава.

И вдруг вид на экране изменился неузнаваемо, хотя там оставался все тот же пейзаж Джолии. Как будто ветром Земли повеяло, а небо стало беспредельно синим. И нам захотелось выйти в этот неожиданно ставший родным простор.

Потом мы увидели космоплан и самих себя. Спускаются сходни. А мы стоим в своей обычной одежде на крышке открытого люка.

— Они предлагают нам выйти, — прошептал Павел.

— Мы должны поверить им, — твердо сказал Саша.

— Это все не так просто, — возразил предусмотрительный начальник. — На рассвете, Нина Александровна, вы еще раз сделаете анализ воздуха на газы и микроорганизмы.

И я вновь повторила свои определения. Результат оказался поразительным... Воздух по ту сторону стенок корабля был точно такой же, совсем такой же, как в нашей кабине.

— Я так и думал, — подытожил Павел, — они там создали такой же воздух, как у нас здесь... Можно смело выходить. Эти существа ищут общения с нами.

3

Чужая планета встретила нас широчайшим простором.

Мы спустили сходни, но стояли некоторое время на площадке люка, оглядывая окрестность.

Простор оказался действительно огромным и небо нежно-розовое с далекими перистыми облаками. И внизу, куда только достигал взгляд, везде трава. Не знаю, какое ощущение было самым сильным — прикосновение свежего ветра к открытой коже, его странный горьковатый запах, так пахла здесь трава, или тишина. «Камни» исчезли.

— Эти «камни» подчинены им, — заметил Павел.

— А интересно все-таки, что это: машины или живые существа? — вставил Саша, и вдруг он рассмеялся, звонко, радостно, а потом закрычал во всю мощь своих легких: — О-го! Го! Го! Го! Го!

И где-то далеко, у самого горизонта, ответило эхо:

Г-го! Го-го!

Это Сашу развеселило еще больше. Он сбегал по трапу и первым вступил на чужую землю. Он прыгал и кувыркался по укатанной «камями» поляне. Вел себя совсем как мальчишка, вдруг вырвавшийся на волю, в весеннюю степь.

Наверху остался один Сурен. Таков приказ начальника — Сурену корабль не покидать.

Мы шли среди негнущихся тростникообразных растений.

— Подождите! Подождите! — вдруг воскликнул Саша. — Что это?

Мы не успели остановить его, как он поднял с земли блестящие, переливающиеся на солнце осколки. Они сделаны как бы из чистейшего хрусталя. И в них ясно видны игольчатые, как снежинки, кристаллы.

— Брось! — крикнул Павел. — Незащищенными руками ничего не брать!

Саша выронил свою блестящую находку. С хрустальным звоном она упала на землю и разлетелась брызгами. Саша оглянулся.

— Интересная все-таки штука.

Мы двинулись дальше.

А солнце поднималось все выше и палило нестерпимо, стало тяжело дышать и тяжело двигаться.

— Надо выходить ночью. И «они» тогда придут.

Мы вернулись, усталые, разомлевшие от жары.

Но сон после прогулки был удивительным. Наверное, только дети так хорошо, с наслаждением спят, без всяких сновидений.

Проснулись мы одновременно, проснулись ночью. Разбудили нас негромкие, мелодичные звуки... Странная музыка! Мы некоторое время лежали, затаив дыхание, вслушиваясь.

Павел подошел к окну.

— Смотрите! Смотрите!

Густая темнота ночи наполнена множеством огней, красных, зеленых, желтых и едва заметных фиолетовых. Со всех сторон они двигались к космоплану.

— Выйдем навстречу! — С какой-то торжественностью провозгласил Павел.

Прохлада расстилалась в воздухе, прохлада и свежесть. А огни скапливались у подножия сходен. Один из них, темно-красный, начал очень медленно взбираться. Ему тяжело двигаться в скафандре. И вот он рядом с нами, маленький, чуть выше колена. Мы склонились к нему, притронулись руками к холодному металлу скафандра, прильнули к шлему, стараясь рассмотреть, что там. Свет очень скудный, только красный огонек на самой макушке. И нам виделось что-то мутное, бесформенное и бесцветное. И опять зачастили сигналы в приемнике, загорелся экран телевизора.

«Он» проник вместе с нами в салон, лег в кресло.

А на экране светилась история чужой жизни. Сначала в полной темноте волны ходили перед нами, потом протянулись переплетающиеся нити, кольца.

Плохо видно. И «они» это скоро поняли, потому что освещенность и оттенки красок на экране начали быстро меняться. Голубой, зеленый, оранжевый, красный... Они искали наиболее хорошо воспринимаемый нами цвет. Остановились на зеленом. И нити стали густо-зеленые, и кольца. Только фон темный — сине-фиолетовый...

Нет! Нет! Перед нами не возникли изображения чужой разумной жизни, чужих сооружений, порождений чужого ума. Нет!

Прежде всего мы увидели систему Анлореса. Две звезды, орбиты планет возле каждой. Четче выделились две точки — планетки, одна — наша, а вторая у Анлореса А. Значит, эти разумные существа — пришельцы на Джолии. Их солнце Анлорес А — яркий, но маленький диск в небе, более горячий, чем Солнце, и более тяжелый. И где-то там их планета. На диаграмме вспыхнул спектр падающего на нее излучения. Оно было жестким, очень мощным по сравнению с солнечным светом. Максимум энергии лежал в ультрафиолетовой области. Трудно бы нам пришлось, если бы мы опустились на эту планету. Без скафандра не выйдешь в ее простор.

Что-то расплывчатое, то круглое, то овальное на экране, а от него во все стороны все бегут и бегут волны. Это пульсирующее облако имеет сложное строение: множество точек внутри, подвижных, ритмично вздрагивающих, в основном светло-зеленых, но есть и синие и оранжевые, а кое-где мелькают красные. Иногда вспыхивают искорки, раздается треск слабого разряда. И тогда особенно усиливаются змейки бегущих волн.

— Структурная модель их белковой молекулы, — неуверенно прошептала я.

Экран неожиданно вспыхнул ярким светом, как будто они приветствовали мою догадку.

Появилась другая капля. В ней меньше точек, они почти все красные. И расширяющиеся волны другой формы — с заострившимися вершинами и впадинами. Над каплей обозначилось овальное очертание «живого камня».

— Первичная клетка «камня»!

— Его кристалл!

Почти одновременно вырвалось у Саши и Павла.

Экран опять одобряюще засиял.

— Нет, не кристалл, — настаивал Саша. — То, что мы видели, не мертвое, а живое.

— Но почему, — возразила я, — точек так мало внутри? Цепочки углерода гораздо длиннее.

— Германий! — сказал Павел.

И я вспомнила обнаруженную в пепле двуокись германия. Германиевая жизнь! Может ли это быть? А почему бы и нет? Германий — родственник углерода. И там, в мире могучих квантов, обязательно стимулируются неизвестные нам реакции и во много-много раз повышается способность германия создавать цепочки из атомов.

Перед нами две капли, атомы двух жизней. Они разные, но какими-то внутренними процессами безусловно связаны между собой. Живые камни! Они разлагают горные породы, извлекая из них элемент, необходимый для жизни, видимо германий. Процесс идет с выделением в атмосферу кислорода. Вот что насыщает кислородом воздух Джолли!

4

А потом, день за днем, мы все дальше и все глубже проникали в чужую жизнь.

Мы увидели не только Джолию, но и их родную планету — спутник Анлореса А.

В этом мире все казалось полутенями, чем-то полупрозрачным... Огромная фиолетовая даль. Бесконечная — нет горизонта и нет границ. Однообразная, мутно-прозрачная плоскость. Не видно ни животных, ни растительности.

Потом, когда глаз привык к этому зрелищу, на экране начало вырисовываться нечто... Оно колыхалось, как опахало на Востоке. Мне оно напоминало ветви ангольских пальм. Цвет этого «нечто» я не могла определить. Он переливался, иногда вспыхивал от фиолетового, почти черного до голубого. Голубизна мелькала отдельными искрами. Но вдруг...

Музыка... торжественная и звучная, она все нарастала и нарастала, распространяя непонятное смятение. Она была скорее скорбная, чем радостная... скорее резкая, чем мелодичная...

Экран посветлел... Несколько мгновений он оставался пустым. Только звуки достигли своего апогея.

Перед нами возник хозяин этой планеты, живое существо с могучим мозгом. Мы подались вперед и замерли.

Существо без скафандра, почти совсем прозрачное и тоже темно-фиолетовое. Оно казалось нам скользким, холодным и мокрым.

Тело этого необычного создания поражало геометрической правильностью своих форм. Два шара соединялись вместе: один — поменьше — голова; второй — побольше — туловище. И конечности. Нижние — служат для передвижения, очень короткие, с нашей точки зрения, но крепкие. И верхние... Нет, это не наши руки. Они гораздо длиннее и заканчиваются множеством шупалец.

Потом в большом плане мы увидели голову. Здесь сконцентрированы органы чувств. Орган зрения мы сразу узнали, хотя он совсем не напоминал наши глаза. Вернее, это множество мелких глаз, маленьких решетчатых ячеек (мы насчитали около ста), разбросанных через правильные промежутки по всей поверхности шара — головы, в них мы ясно видели хрусталик, ощущалось восприятие света.

Были и другие органы чувств. Четыре довольно большие выпуклости, покрытые более светлой, чем все остальное, перепонкой, расположены точно через девяносто градусов по экватору этой геометрически правильной головы. Может быть, это орган слуха? Были еще пульсирующие, как пружинки, волоски. И едва заметные, как бы прилипшие треугольные пленки. Их много, и расположены они неравномерно. Они медленно передвигаются в одном и том же направлении, и одна всегда занимает место другой.

Потом, уже на схеме, перед нами раскрылся мозг — громадное скопище нервных клеток. Биотоки и еще какие-то непонятные нам импульсы.

Физиологическую основу их жизни, их деятельности, даже мышления мы в какой-то мере схватывали. Но не могли разобраться в чувствах.

Каким видят они окружающий мир? Вот эту самую Джолию с розовой туманной далью, с солнцем-гигантом, до боли красным, где все носит отпечатки этой яркой красноты: трава коричневая (а может быть, перенесенная на Землю, она оказалась бы зеленой?) и обшивка нашего космического корабля оранжевой. Может быть, для них, развившихся в мире мощных излучений, отсутствует цвет? Они воспринимают ультрафиолетовые лучи. Что это, однотонный мир? Или тоже окрашен? И как они чувствуют его здесь, на Джолии, когда жесткие лучи не пробивают атмосферу планеты? Но они несомненно видят.

Каким образом они общаются между собой? Мы не отметили ни звуков, ни жестов. Но они понимают друг друга даже сквозь пространство, через скафандр и стены нашего космического корабля.

Слышат ли они? Не знаю. Но безусловно улавливают наши слова, наши мысли — абсолютно чуждые им образы и понятия. Они не были ни назойливы, ни требовательны. Их вполне законное любопытство казалось добродушным. Не проявляя никакого интереса к нашей технике, к нашему космическому кораблю, они подолгу рассматривали единственную картину в салоне — первое пробуждение весны на Земле. А когда я заиграла на рояле, окружили меня и как будто замерли. Убедившись, что они воспринимают нашу речь, мы начали рассказывать.

Это происходило вечерами, они не выносили яркого света. Мы открывали все люки и иллюминаторы. Мертвенный, блеклый свет лежит на всем, холодный и тусклый Анлорес А выполз из-за края равнины, небо кажется просветленным, но и на нем мерцают наиболее яркие звезды.

А в салоне совсем темно, мутно-белый экран телевизора; крошечный рояль с обнаженными клавишами.

Начал Саша... Он был рад, что рассказывает о родной Земле, о далеком Солнце... Его планетах... И я вдруг поняла, что сейчас для меня даже жестокий и неуютный Юпитер роднее Джолии, в которой гораздо больше «земного».

Павел пытался рассказать о могучих излучениях Космоса. Но их это не трогало. И Павел, ошеломленный, растерянный, изумленно разглядывал их крошечные фигурки. Для них было «само собой разумеющимся» то, чему он посвятил всю свою жизнь. Создавалось впечатление, что они воспринимают электромагнитные колебания и потоки частиц так же реально, как мы видим в салоне мягкие кресла или их фигурки с красными точками на шлемах. Им безусловно дано ощущение скрытых от нас процессов Вселенной, тех процессов, к разгадке которых люди шли мучительным и радостным путем ошибок, поисков и открытий. И наши гипотезы для них, наверно, — примитивные истины.

Павел решил не рассказывать, а спрашивать.

— Что произошло у Юпитера?!!

— Есть ли у нас надежда вернуться на родную планету?!!

На второй вопрос они ответили сразу же: на ожившем экране телевизора космоплан «Вперед!», окутанный пульсирующим облаком, оторвал ся от Джоллии и растаял в розовом тумане.

Они обещали возвращение.

5

Что произошло у Юпитера?

Это озадачило наших гостей. Им, конечно, казалось невероятным, что мы пролетели бесконечность пространства, не зная под действием каких сил.

Они, оперируя нашими формулами и знаками, пытались объяснить Павлу на экране телевизора сущность происшедшего.

Вакуум... Таинственный вакуум... Это не пустота. Пустоты вообще нет. Пустота — это океан материальных частиц, таких же реальных, как электроны или протоны. Но мы не воспринимаем эти частицы, потому что они все имеют отрицательную энергию. Нам известно, что античастицы — это «дырки» в пустоте.

Мы только допускали существование мира отрицательных энергий. Какие же неведомые людям законы позволили этим существам вызвать к жизни отрицательную энергию и не уничтожить самих себя? Видимо, уровень знаний даже Павла был еще недостаточным, чтобы понять это.

А они упорно говорили о взаимодействии, о каком-то соответствии миров.

Мы, конечно, казались им ущербными существами, лишенными определенных ощущений.

Я говорила много вечеров подряд.

Сначала о зарождении жизни... О первичной клетке... О ее эволюции... Потом о людях...

Теперь мы уже не вмещались в салоне.

Я удобно сижу в кресле, вынесенном из космоплана. Передо мной светится телевизор. Окружность теряется в скудном сиянии их второго солнца. И покуда видно, все огоньки и огоньки. Это шлемы скафандров. Они иногда начинают слабо покачиваться. Это значит: меня не понимают или не одобряют.

Я говорила о себе. Из нас четверых у меня самый большой земной жизненный опыт.

Детство. И возникло телеизображение. Беленькая хатка-мазанка на пригорке. Подсолнухи вдоль огорода. Мой старший брат Колька гонит утят. Мама стоит в дверях, спрятав руки под передник. Кусты полыни у дороги. Девочка с длинными косами бежит там. А понимают ли они, эти существа, что это я?

Саша рядом со мной. Его горячая рука легла на мою руку, крепко сжала. Он тоже вспомнил свое детство, свои подсолнухи.

А Павел, наверно, только и думает: как все происходит? Как это образы моего прошлого мгновенно превращаются в изображение?

Но нет! Он взволнован... Земля ведь тоже его!

Первое недоумение у тех бесстрастных существ, что заполнили равнину, вызвало появление моего сына.

А на экране все было точно так, как навсегда врезалось в памяти. Акушерка в низко надвинутой на лоб белой шапочке протягивает голеню-кого младенца... И вот его уже увеличенное изображение: сморщенный, беспомощный и одна щека полнее другой...

Потом Ангола... Я говорила очень громко, пытаюсь задушить их молчаливый, колышущийся протест. Говорила не о себе, а о тех, кто когда-то работал рядом со мной. О самопожертвовании. О высшей человечности... А они только качали своими огоньками!

Сначала я подумала, что они не понимают... Но экран точно отображал мои мысли. Я замолчала... Понимали, но... не принимали... Не принимали этой отдачи себя во имя других, не знали, что в этом может быть радость. И мне стыдно стало за свою горячность. А ведь я хотела говорить о сыне!.. О том, как он в двадцать лет пошел на верную гибель, чтобы спасти других... Я не стала об этом рассказывать.

6

Земля звала... Далекая, неуловимая пылинка в просторах бесконечности, — она тянула к себе.

И особенно эта тоска по Родине усилилась, когда для нас стала реальной возможность возвращения.

А Павел торопился наладить связь. Только бы передать людям уже известное, сказать: мы не погибли! Мы еще есть!

И как знать! Может быть, люди сегодняшней земли владеют пространством и временем настолько, что без особых затруднений могут посетить Джолию. Не для нас... Если мы останемся здесь, нас тогда уже не будет. За время их пути к Джолии пройдут сотни наших лет...

Время выигрывает только тот, кто мчится почти со скоростью света... А для того, кто остается на планетах, оно такое же, как и на Земле. Но отрадной стала сама мысль: после нас человек все-таки ступит на эту каменистую землю.

Наши «хозяева» дали понять, что за пределами системы Анлореса связь с Землей можно будет установить. Началась перестройка нашего космоплана.

На корабле были умные приспособления для этого — наша «малая автоматика». И опять мы с благодарностью вспомнили людей, которые снаряжали нас в путь.

Павел, Сурен и Саша сняли обшивку, разобрали реактор, двигатель. Пока готовили корабль к возвращению, я пыталась в какой-то мере исследовать Джолию.

Помню. Гигантский купол Анлореса встает из-за степи. В это время он настолько густо окрашен, что кажется: кровавый туман заполнил все вокруг. Неясно вырисовывается тонкая сигара космоплана, рядом — котел реактора, черный, громоздкий.

Саша всегда просыпался раньше всех и провожал меня.

Помню его в этом красном сумраке. Он высоко поднял руку над головой, приветствуя меня...

Однажды днем резкие сигналы тревоги забарабанили в моем приемнике.

— Немедленно возвращайтесь!

— Немедленно возвращайтесь!

Тяжело бежать под палящим солнцем. И путь мне казался бесконечным. Но особенно страшно стало, когда я издали увидела черные, развороченные обломки того, что было когда-то реактором, сердцем нашего корабля.

Меня никто не встречал. Поднялась по сходням... Дверь в салон распахнута. Сурен и Павел согнулись над диваном... Увидев меня, расступились. Саша лежал неподвижно. Провела рукой по его лбу... Холодный пот...

— Очень сильное облучение, — шепнул Павел.

Саша дышал еле-еле... Чуть-чуть хватал воздух посиневшим ртом. Анализ крови показал неизбежность...

Это было страшно: с ясным сознанием умирал человек, всего несколько часов тому назад полный сил и энергии.

Он разговаривал... улыбался, пытался даже шутить... Но все знали: он обречен. И это знал он сам.

Павел не отходил от друга. А Саша все время шептал:

— Не надо... Не подходи... Не подходи ко мне близко... Может быть, это вредно...

После полуночи позвал нас всех.

— Помогите мне выйти из этой кабины...

— Тебе нельзя так много двигаться.

— Мне теперь уже все можно...

Саша говорил очень тихо и очень спокойно, повернув ко мне бледное, худое лицо.

— Я не хочу, чтобы это наступило здесь, в тесной комнате.

Мы вынесли его в темную ночь Джалии.

Сквозь сплошные тучи не просвечивает ни единая искорка. Только над самым нашим жилищем нависло облако — корабль наших хозяев. Тускло светятся красные точки. Но сегодня они не спускаются, как будто тоже насторожены и тоже ждут чего-то.

Саша тяжело дышит. Я вижу бледные очертания его остренького поднятого подбородка. Он все время смотрит на меня. Глубокий не то тягостный, не то облегчающий вздох вырывается из его груди.

— Я верю! Вы увидите Землю! — Его помутневший взгляд впился в мое лицо. — У вас глаза Лены, в них вся боль и вся радость Земли...

Больше он не сказал ни слова...

Милый, родной Саша! В тебе было столько жизни и энергии! Я всегда ждала от тебя чего-то неожиданного и сверхбольшого. А оказывается, сама твоя жизнь подвиг...

Мы похоронили его по земному обычаю в твердый, каменистый грунт Джалии...

День стоял яркий, багрово-солнечный. И на легком ветру чуть-чуть шевелились твои волосы...

«Мудрые тени» пришли через два дня. Они в какой-то мере сочувствовали нам, но больше, кажется, беспокоились...

Они пытались объяснить нашу ошибку, которая привела к взрыву. Но, убедившись, что Павел ничего не понимает, взялись за работу сами.

И тогда мы увидели, что такое «камни». Повинуясь приказу «мудрых теней», три «камня» преобразились и внешне и, видимо, внутренне: исчезло губительное излучение, восемь щупалец, как у спрута, вытянулись из яйцеобразного тела. Они всасывались этими щупальцами в об-

шивку космоплана и оставались недвижимыми весь день. С заходом солнца — отпадали и лежали рядом, такие же, какими мы их увидели впервые, — гладкие и тяжелые. А утром оживали, шупальца опять тянулись к космоплану. Корпус постепенно заволакивался чем-то облакообразным, как корабль «мудрых теней», эта оболочка пульсировала, иногда вспыхивая редкими искрами.

Мне хочется тронуть ее рукой. Каким будет это прикосновение: скользкий холод, обжигающий удар тока или что-то мерзкое, затягивающее в себя. Это очень страшно коснуться неведомого.

«Камни» делали и другое. На наших глазах преобразовывалась атмосфера планеты. «Мудрым теням» для дыхания нужен кислород и полное отсутствие аммиака и сероводорода. Но именно эти два газа находились раньше в воздухе Джолии. Это мы обнаружили еще в Космосе, на подступах к ней. «Камни» выделяли в атмосферу кислород, разлагая горные породы.

Колонизация Джолии шла быстрыми темпами. На родине «мудрых теней» на исходе энергетические ресурсы. Жизненно необходимым стало овладение другим миром.

«Мудрым теням» не составило особого труда создать необходимые для нашего дыхания условия. А почему они это сделали? Только, конечно, потому, что мы для них — первые встреченные в Космосе разумные существа. Они изучали нас не менее тщательно, чем мы их.

Когда кислорода в воздухе стало достаточно и для них, они сбросили скафандры. И оказались настолько прозрачными, что не только в темноте, а просто в сумерках невозможно было заметить их приближение.

Они возникали бесшумно. Мы не сразу поняли, что это те же существа, одно из которых видели когда-то на экране. Там была схема, где все четко выделялось. А здесь двигались бесплотные создания. Только быстро-быстро пульсируют на голове пружинки-волоски. Удивительные создания, как будто вялые и бесстрастные... Была ли у них та беспощадная, ни на минуту не ослабевающая борьба с природой? Нам казалось, что они все равны между собой.

Только «камни» безмолвно повиновались.

Мы искали у обитателей Джолии малейшие проблески чувств, похожих на наши, человеческие. Случай дал нам возможность увидеть их страх.

Неожиданный ураган захватил «мудрых теней» на земле. Облако-корабль, не выдержав напора ветра, исчезло в вышине потемневшего неба. А они, беспомощные, металась вокруг космоплана. Мы открыли люк. Они карабкались по сходням, сталкивали друг друга. Один упал и не мог самостоятельно подняться. Никто не помог ему... Ветер наполнил воздух сероводородом и аммиаком. Дышать уже было невозможно. Мы плотно захлопнули люк.

Один из них так и остался лежать обессиленным комком у опустевших сходен.

Мы с Павлом напряженно следили, как Сурен, натянув маску, полз к нему, стараясь не поддаться буре. Человек поднял с земли студенеобразное, но еще живое существо. А когда поднимался по трапу, припадая к его ступеням, чтобы не оторваться, защищал это существо от ветра своим телом.

Я не могла понять, умер он или еще жив. Но когда мы его внесли в салон, «мудрые тени» в ужасе отшатнулись.

Я положила его в биокамеру. И только здесь заметила: он уменьшился, как бы высох, студенистое вещество скоагулировало — свернулось. А когда я вышла из биокамеры, увидела, что «мудрые тени» боятся теперь и меня...

Павел и Сурен оставались у космоплана. А я каждый день уходила все дальше и дальше, не всегда возвращаясь к ночи...

Пишу в тени палатки. Солнце безжалостно палит. До нестерпимого жара раскаляются горные породы. Скалы, обрывы. И нет им конца и края... Совсем мало песка...

Я занялась прежде всего той частью Джоллии, где можно дышать без скафандра. Это приблизительно пятьсот километров в окружности от того места, где мы приземлились. И я наслаждалась почти земным воздухом, его чистотой, простором и резкими порывами ветра. Может быть, потому, что я почти чувствовала себя уже на пути к родной Земле, эта планета, несмотря на ее мертвенные просторы, стала вдруг тоже дорогой.

Я увидела там плотно прижавшиеся к камням непонятные, безусловно живые организмы, широкие и плоские. Как гигантские покрывала. Поверхность их отдает холодом, как металл в мороз. Они все время колышутся, мерцают множеством мелких искр, и — меняют свой цвет от фиолетового до нежно-голубого. Я не могла их приподнять, оторвать от скал. Однажды я набрела на пещеру, искусственно вырубленную в граните. В ее черной глубине неясно вырисовывались округлые очертания «камней». Они лежали, чем-то старательно заизолированные. Я подошла ближе.

Вне сомнения, они отделены от окружающего тем плоским растением, что прижимается к скалам, извивается и искрится.

Джоллия сравнительно молодая планета. Воды еще мало, она не успела выделиться из силикатных недр, она еще цепко держится в тисках литосферы. Она появится потом, когда кислород станет не чем-то искусственно принесенным в атмосферу, а кровью воздуха.

Были только маленькие озера. В поисках собственной жизни Джоллии я обратилась прежде всего к ним.

Выемка внутри скал. Крошечный водоем на каменистых голых уступах. Никаких признаков ила или отложений. Так у нас иногда бывает после сильного таяния снегов. На дне просвечиваются красноватые камни, и сама вода кажется золотистой. Она не прозрачная, а бархатистомутная, как будто даже люминесцирующая. Я набрала ее в колбу и поднесла к лицу. Специфический запах органики.

Хорошо помню, что это открытие я сделала на закате. Анлорес скрылся за искромсанным, скалистым горизонтом. А на востоке упрямо стоял его брат Анлорес А. Земля не знает подобного. Это не тусклая Луна с ее мертвенным светом. Это живое светило, излучающее собственное сияние. Но это не солнце и не звезды, которые слабо видны сейчас и кажутся бледными, как на Земле в часы рассвета. Все озарено мутным, пульсирующим голубоватым сиянием. А на «земле» лежат черные тени от скал.

Анализ воды я сделала сразу же. Общая сумма органических веществ превышала пять процентов.

Что это — уже жизнь? Или еще мертвое?

Капля под ультрамикроскопом. В этой малости жидкости я совершенно ясно увидела четко очерченные образования: они плавали в растворе, они были отделены от него оболочкой.

Коацерваты... Неужели это они, первые проблески жизни?

В лаборатории космоплана я подробно исследовала эту жидкость. В растворе белковоподобные и нуклеотидные полимеры. Оболочка... Здесь уже целые ассоциации молекул. Между раствором и тем, что заключено внутри этой клеточки, все идет и идет обмен веществ — тонкое сплетение множества реакций. Я видела, как эти капли вдруг начинали выпячи-

ваться, вытягиваться, как бы под влиянием внутреннего давления, и вдруг делились на несколько частей.

Жизнь? Наверное, уже жизнь. Но как ей далеко еще до амебы! Миллиард лет должен пройти для этого!

В слабом электрическом поле эти образования уменьшались и структура их изменялась. А когда я убирала заряд, капля становилась прежней. Я повторяла так много-много раз, и частички почти всегда возвращались в свое прежнее состояние. Почти...

Значит, эти, совершенно одинаковые по виду, капли уже обладали известной индивидуальностью, какой-то неуловимой тонкостью своей структуры. И каждая клеточка, как подлинно живое существо, противостояла всему внешнему миру, имела свою собственную судьбу и все свои усилия направляла на самосохранение.

Как хорошо я помню ту ночь, когда я увидела, как мертвое становится живым...

Дикий безжизненный ландшафт в неровном голубом сиянии. Четкая тень моей палатки на камнях. Широчайшее небо с множеством бледных звезд. Завывание ветра в скалах, такое же однообразное и неживое, как и этот пейзаж. И в эти минуты я поняла, я так отчетливо ощутила неизбежность того, что я вижу вокруг... Неизбежность этих звезд, их далекого сияния, и этих мертвых камней под ногами, и однотонного шума ветра в расщелинах, и неизбежность возникновения крошечных капель, каждая из которых уже стоит один на один со всем миром.

9

Чем больше я проникалась неизбежностью жизни, тем все чаще задумывалась о «мудрых тенях». Не верю я в германиевую жизнь. «Камни» — это другое, — это полуавтоматы — это, может быть, сочетания каких-то жизненных процессов с электроникой, с физикой элементарных частиц. Но разумная жизнь... Это только соединения углерода, бесконечное разнообразие и неисчерпаемые возможности его реакций.

Я все время вижу перед собой сжимающиеся в электрическом поле капли. Борьба за собственное существование. Раздражение и ответ организма. А через миллиарды лет из него возникает сознание.

Я успела полюбить Джолию. Смотрю в мутную поверхность ее воды, потом на бесконечные скалы. В этом зрелище что-то неотразимо-великодушное и... жуткое...

Пишу при свете ночного солнца... Все хорошо видно... Думаю о Земле, о ее закатах и о Солнце... Мне сегодня страшно... Стыдно сознаться, но это так... Ломит поясницу... И боль в суставах... Дурацкие мысли лезут в голову... Саша в этих камнях навсегда... Нет! Нет! Не думать! Идти к космоплану! Нет! Может быть, в теле моем гибель... И не только моя... Кажется, у меня в крови все делятся и делятся капли... Чужеродные... Их уже миллионы... Взять под микроскоп... Нет, раньше передать...

— Не подходите ко мне! Не прикасайтесь! Не прикасайтесь!

А что если во мне уже что-то необратимо изменилось... Не думать... Не думать... Павел стал невнимательным к себе... Он забывает есть... А Сурену не следует нажимать на концентраты... Он полнеет...

— Не прикасайтесь! Не прикасайтесь!..

На этом обрывается дневник Нины Александровны Орловой. Дальше торопливые приписки, сделанные Павлом Зарецким.

...Похоронили Нину Александровну рядом с Сашей. Причина ее смерти — неизвестное нам остроинфекционное заболевание, вызванное,

видимо, вирусом, занесенным «мудрыми тенями» на Джолию. Уловив тревожные сигналы Нины Александровны, мы сразу же бросились к ней. Но... было уже поздно.

Она лежала у палатки, прямо на камнях, на самом солнцепеке. Я склонился над ней. Она была еще теплая, но широко открытые глаза остекленели. И, кажется, они все еще смотрели в бесконечность Вселенной.

Пишу в космоплане. Джолия с ее тайнами уже растворилась в пространстве. Но одну загадку мы все-таки взяли с собой. Это «камни». Я почти уверен — это машины. С позволения «мудрых теней» мы три штуки завернули защитными покрывалами, теми, что заинтересовали когда-то Нину Александровну, и погрузили на космоплан. В изоляционной камере, в полной темноте не будет их убийственного излучения. А новая всесильная Земля раскроет их тайну.

Отлетали мы на рассвете. Я не лирик, но хочется написать словами Нины Александровны.

Встающее «солнце» провожало нас в далекий путь. А воздух широкий, свежий, такой же чистый, как и в утренний час на Земле. Прощай, Джолия, родина мертвых скал... Прощайте и вы, удивительные создания! Спасибо за спасение! Спасибо от всей Земли! И пусть я, по сравнению с вами, в чем-то еще слепой котенок, но мне навсегда останется счастье борьбы с неведомым!

Глава III. ПЕСНИ БУДУЩЕГО

Девушка первой весны

1

Леа ждала Зарецкого. Вот-вот мелькнет его тень за полупрозрачными золотистыми стенами.

Была зима, и опять снегопад освежал воздух. Медленно покачивался под тяжестью тающих хлопьев ярко-зеленый богуйр.

Леа, укутанная мягким пледом, полулежала в кресле. Она видела, как Павел вошел, оглянулся, ожидая, что его встретят, и, не заметив ее, направился к балкону.

Пока он шел, Леа внимательно изучала его лицо. Изменился ли за эти столетия облик людей? Нет, конечно. Только в выражении лица есть что-то болезненное. Но это скорее не отпечаток времени, а результат исключительности его судьбы.

Леа поднялась ему навстречу.

— 3-з-д-рав-в-встуйте... Я очень рада вам...

Он улыбнулся счастливо и одновременно растерянно.

— Я опять слышу родные слова и голос... Тот голос, который, казалось, снился мне. Это были самые счастливые сны в моей жизни.

Леа слушала очень внимательно, не отрывая от Павла пытливого взгляда. Ей хотелось сказать: «Почему вы говорите так напыщенно и так длинно?» Но вспомнила: в древности все говорили так.

А он покраснел: ему было стыдно за такую кокетливо-льстивую фразу, тем более, что она оовершенно несвойственна ему. Но эту девушку он действительно видел во сне и слышал ее голос.

Леа плавным взмахом руки указала на кресло.

— Садитесь.

Эти дикие горы, эта бездна ущелий напоминали Павлу что-то давнее-давнее. Обсерваторию отца, прижавшуюся к черным скалам, первые мысли о полете в неведомое...

Павел несколько мгновений пристально смотрел на Лею, а потом заговорил. Он рассказывал о матери, о Нине Александровне.

Леа, закрыв глаза, облокотилась о перила. Так легче слушать.

Синие тени легли на горный снег. Близились сумерки. И Леа очень тихо сказала:

— Пока хватит. Не потому, что мне неинтересно. Мне нужно это обдумать. Я прошу вас — приходите еще...

Вечером Леа все время к чему-то прислушивалась. За теплыми стенами дома усиливался ветер. Разыгрывалась буря, и метался снег.

А Леа видела весну...

Это было проникновение в прошлое. Настолько полное, что, кажется, слышно, как апрельский воздух 1961 года шевелит твои волосы.

Леа представляла себе тот первый в истории мира день, когда человек вырвался в Космос, издали увидел Землю, всю Землю, сферическую поверхность.

Хорошо, что это случилось весной. И Леа приветствовала эту весну.

Это, наверно, был очень солнечный день. Леа не поверит, что тогда мог идти дождь или ненастные тучи низко спустились к Земле.

И она, Леа, легко ступая, идет по шумным улицам Москвы 12 апреля 1961 года.

Девочка с букетом цветом перебегает дорогу, смешную, старую дорогу с узкой колеёй трамвайных линий. Ветер колышет красный галстук, а в светлых глазах — изумление и радость.

Люди заполняют все — и проспекты, и площади, и тротуары, четко скандируют:

— Юрий Га-га-рин! Юрий Га-га-рин!

И лицо героя похоже на лицо той русоволосой школьницы, что совсем недавно мелькнула на мостовой.

Сплошным строем движутся люди, они поют... Площадь... Ели у Мавзолея Ленина... Кремлевская стена... И красные знамена... Такой эта площадь осталась навсегда.

В дни больших побед здесь, как и раньше, встречают героев. Точно так же, высоко подняв руки, приветствовало здесь человечество и Павла Зарецкого и Сурена Маргуляна. И точно такое же синейшее небо сияло над миром.

Люди торжествовали.

Потом была минута траура. Все замерло без единого слова, без единого движения. А над пышными кронами деревьев, высоко в ясном небе плыли гигантские изображения Нины Орловой и Саши Черненко.

Саша смеется... А в глазах Нины Александровны — вера, упорство и налет печали.

Люди молчат.

Леа видела тесную неразрывную связь между тем, что происходило 12 апреля 1961 года, и этим весенним днем. И Леа даже трудно определить, когда она живет: сейчас, в этом золотистом доме из тетоцида... или тогда... Кто она, Леа? Студентка Высшей Школы Астронавтики? Или девушка 1961 года, впервые поверившая в Космос?

И тогда такие же сосны росли на Земле и так же шумели горные реки...

Если бы она жила тогда, чему бы она посвятила свою жизнь? Это не пустой, не праздный вопрос, это очень важно! Ответить на него — значит, сказать, кем будет героиня ее ненаписанной книги, девушка Первой Весны. Имя для нее Леа давно нашла, старинное русское имя Татьяна. И чув-

ства есть, горячие, верные. Все для будущего! Девушка с лицом Нины Орловой, с ее движениями, с ее сосредоточенной серьезностью. Но кем же она должна быть, эта девушка? Может, она должна быть врачом, как Нина Орлова. Как и великая космонавтка, она понесет в заболоченные джунгли жизнь и здоровье.

Но думалось...

В то время — это гигантские строительные леса, котлованы гидростанций, бегущие столбы высоковольтных передач... Строитель... Да, конечно, строитель...

Первые, наспех сделанные бараки...

Тайга... Первая узкоколейка железной дороги... Первый кирпич фундамента на пустыре...

2

Они низко летели над водой. Так хотелось Павлу. И Павлий Зорь не возражал.

Океан бушевал, по-зимнему серый и грозный. Огромные гребни волн, казалось, вот-вот захлестнут воздушную лодку. Они неслись во мгле соленых брызг. Потом на западе, там, куда они стремились, раскрылась яркая полоска неба. Тучи поплыли вверх, распушились, закрубились белизною. Океан присмирел. Теперь он лежал под ними, синий и блестящий. Павлу хотелось охватить весь его простор. Они поднялись выше. Павел, перегнувшись через борт, всматривался в могучее движение стихии. Океан дышал, колыхался, у одиноких рифов разбиваясь мелкой пеной.

Сегодня Павел впервые войдет в Палас Наблюдений. Он увидит звезды Анлореса.

Небольшой остров Великого океана.

Павел следом за Павлием Зорем шел по узенькой дорожке, усыпанной белым песком, она зажата разросшейся зеленью. Здесь изучают только систему Анлореса. В огромном зале навстречу им поднялась молодая женщина. У нее круглое лицо с ямочками на подбородке и щеках, круглые красивые плечи и полные руки. Она говорила звучным негромким голосом, объясняя Павлу назначения приборов.

— А сейчас вы увидите самое интересное...

Они прошли в затемненную комнату. На экране появилось изображение, плоскостное, но отчетливое и цветное, такое, как в древнем кино.

— Это наше последнее достижение. Узнаете?

Ландшафт казался диким. Камни и скалы. На полотне расширялись бесленные выжженные плоскогорья. И розовая даль неба.

— Джолия... — одним дыханием шепнул Павел.

Островерхая трава и ползающие «камни». Могилы Нины Александровны и Саши.

— Это первый опыт получения точных снимков планет.

Павел был ошеломлен.

— Значит, теперь, чтобы увидеть далекие миры, не надо стремиться в Космос?

— Не совсем так... То, что увидит, прочувствует человек, не уловить никакой машине. Это как бы схема человеческих ощущений, того, что мы могли бы воспринять непосредственно там...

Павел плохо слушал, жадно всматриваясь в знакомые очертания скалистых массивов Джолии. Он чувствовал на коже зной ее горячего воздуха, горьковатый запах травы щекотал ноздри.

— Установка называется Орлин. В честь вашей спутницы, а лучи, благодаря которым это стало возможным, — павлоны...

— Как? — переспросил Павел.

— Павлоны. В честь вас. Нейтральное излучение, вырабатываемое «камями». Вы его начали исследовать первым...

Павел восторженно.

— Эти лучи?! И они уже используются?

— Как видите!

В этом откровении была радость и горечь. Каким могучим стал человек, коль так молниеносно входят в технику наисложнейшие открытия! И в этом последнем есть и его, Павла, вклад. А горечь? Почему же все-таки горечь?

Сможет ли он равноправно жить в стремительном, неутомимом темпе этого времени: новые открытия, теории, гипотезы и доказательства — все новое, новое и новое... Угнаться ли ему? Догнать ли? А для них — это размеренный темп будней.

Ночь в Палате Наблюдений оставила после себя смутное воспоминание о чем-то необыкновенно грандиозном, таком, что он вряд ли сможет постичь.

И когда они, возвращаясь, парили над океаном, Павел больше не просил опускаться в бушующие волны или же взлетать вверх, чтобы лучше оглядеть водную ширь. Ему было все равно. Раньше он никогда не ощущал одиночества...

3

Киев...

Здесь прошло детство Павла, наступила юность, отсюда начался путь в неизвестное.

Владимирская горка. Памятник Крестителю. Одно это место осталось прежним, тихое, все в зелени, и Днепр перед глазами... Как и раньше, здесь много туристов...

Бесконечно далеко ушло это «раньше»! В эти минуты ему до слез хотелось, чтобы оно вернулось и все оказалось только сном. Но явья была июльская жара, и голубой Днепр, и запах листьев, и мертвая тишина города — тоже реальность. И вдруг неудержимый смех. Павел вздрогнул... И только в эту минуту заметил девушек. Их было трое. В ярких красочных платьях они стояли на самом краю обрыва. Там, покрытая яркой зеленью, гора падала к реке. Он не улавливал значения радостных возгласов. Но понял. Этот уголок Земли — единственный кусочек его прошлого. А для них — общение с далекой молодостью мира. Давно ушедшая эпоха для тех, кто приходит потом, не оставляет ни тоски, ни сожаления. Только этап на вечной дороге Борьбы, одно устремление вперед, подвиги и чистота желаний.

Все остальное сметает время.

Павел спустился на Крещатик и медленно двинулся к Университету. Родные, бесконечно дорогие стены. Портреты. Его, Павла, и Саши. Потом большая фотография дочери — Людмилы Павловны Зарецкой, доктора физико-математических наук, заведующей кафедрой теоретической физики. Очень худенькая белокурая женщина. Люди, наверно, говорили, что она похожа на него. Эта женщина — продолжение его жизни. Где они, его потомки? Затерялись в течении веков. А он задумался перед ее портретом.

В огромной аудитории полутемно и прохладно. А за стенами здания — зной. «Жнива», — говорили когда-то. Павел поднялся на кафедру. Сколько раз он стоял здесь? Говорил о парадоксе времени, об относительности длин... И вот сейчас он опять за кафедрой. А говорить некому и, наверно, нечего. Он сказал уже все, что мог, что должен был сказать.

Два портрета смотрят со стены: его и дочери. Они очень похожи. Но он не в силах признать в этой пожилой женщине свою дочь, потому что не знал, не ласкал ее ребенком...

На бульваре Шевченко, расправив в небо пышные кроны, замерли в духоте каштаны. Сколько вам лет, каштаны? Сколько?

4

Павел подошел неожиданно. Леа даже растерялась. Он остановился, опустив руки на стол, и смотрел ей прямо в глаза.

Этот человек из прошлого совсем не вызывал в ней чувства соприкосновения с древностью. Этот человек из Космоса казался ей самым земным из всех людей. Она наизусть помнила пройденные им космические трассы. Но он был неотделим от Земли.

— Я помешал вам. Я всегда прихожу некстати.

Она отодвинула рукопись.

— Нет... Что вы...

— Мне почему-то хочется вас видеть. Я не знаю — почему. Но мне всегда хочется вас видеть... Когда вы рядом — мне легче быть на Земле...

Пораженная, она спросила:

— Разве вам трудно на Земле?

Он горько улыбнулся.

— Очень трудно.

Придвинул легкое кресло к ее столу, сел. За перилами балкона сияли горы. Смолою пахли богуяры.

Они молчали. Она ждала, что он скажет. А он, понимая, что она ждет, пытался собрать растревожненные мысли.

— Вот эта даль, блекло-голубая, с белыми легкими облаками, — это только земная даль. Я нигде не видел такой.

Иногда одинокий слабый запах может всколыхнуть все прошлое...

Как объяснить ей, что Космос — это не прошлое?! Это было совсем недавно. А Земля — уже ушедшее, потому что для него реальной осталась только та Земля, что существовала шестьсот лет тому назад. А теперь все небо, весь воздух, вся ширь зывают к прошлому. Иногда даже ему кажется, что он погружен в вечный непреодолимый сон.

— Мне... тяжело на Земле... Вчера я весь день бродил по Киевскому заповеднику... Я благодарен людям за то, что они сумели сохранить неприкосновенным все, что связано с моими товарищами и со мной. Это очень страшно: в тридцать пять лет стоять у покинутых стен древнего Университета, где ты в молодости, только одиннадцать лет тому назад, читал студентам лекции... Я посетил дом, где жил когда-то... Это мой дом и не мой... Все осталось на прежних местах, даже мои любимые цветы... Но, наверно, во мне что-то изменилось необратимо. Я был на могиле дочери своей, которой никогда не знал. А она прожила долгую и сложную жизнь! Я видел памятник, сооруженный в честь внука моего, построившего на Марсе первый завод. А мне все еще тридцать пять лет!

Потрясенная Леа не находила слов. Он сидел, низко опустив голову. Тень легла на его лицо, потому что солнце уже скрылось. Она отметила, как дрожат его тонкие белые пальцы. Острая жалость охватила Лею. И он понял это. Вдруг резко поднялся, двинул стул. Он смотрел ей прямо в глаза. Прошептал очень тихо:

— Нет! Мне жалости не надо! Я не за тем пришел к вам...

Обида и стыд захлестнули его. Ведь казалось, что она поймет!

— Я не жалею... Нет! Нет! Совсем не жалею...

Договаривая эту фразу, она уже не шла против истины.

— Совсем не жалею, — повторила она. — Надо, чтобы вы поняли....

Она остановилась, пытаясь уловить, что же он должен понять... Новую жизнь? Нет... Нет... Это не то... Неумолимость времени?.. То и не то...

Он как-то странно улыбнулся:

— Видите... как трудно найти то, что я должен понять и что не должен оплакивать — не в прямом смысле, конечно...

Леа вдруг нашлась:

— Вы должны понять: нет в жизни утрат... Нет! Нет! Не то! Что жизнь ценишь еще и потому, что есть утраты и что все проходит...

И опять они долго молчали.

— Может быть... И все-таки это не совсем то...

Он ушел, оставив после себя смутное ощущение смятения. Туман стелился по горам. В темноте пробуждалась ночная жизнь. Кричали дикие козы, где-то шумел водопад. Испуганно пискнула птица...

Леа вслушивалась в тишину, думая о том, что проникновение в природу дало человеку силу и разум, что надо слушать этот голос жизни.

Павел ушел. В его движениях — неуверенность и тоска. А чувствует ли он, проносясь над пропастью гор, этот зов жизни?

5

И все-таки самое дорогое для него место на Земле — это дом, где он жил когда-то...

Меркнет день. Как прежде, душистые испарения наполняют воздух... Кажется: вот-вот войдет Галочка и спросит:

— Ты что хочешь сегодня на ужин?

— Вареники с вишнями, — как обычно назовет он свое любимое блюдо.

Галя уходит. А он знает: самые вкусные вареники с отборными вишнями он будет есть сегодня.

Вместе с темнотой запахи все сильнее и сильнее обволакивают его, и звуки, и шорохи такие же, как тогда. Он даже пытается уловить далекий крик электровоза или едва различимый звон трамвая... Но их нет. Только вечная песня кузнечиков...

И Гали нет. Могила ее в Тибете... А ему хочется сказать:

— Прости, прости... Я так мало знал тебя...

Иногда она несколько раз подряд разогревала ему завтрак, а он отталкивал тарелку:

— Некогда! В Университете позавтракаю.

И она одна оставалась в доме, обиженная.

А разговоры о сыне... Только сын. У него не может быть дочери. Сказала ли об этом Галя дочери? Нет! Конечно, не сказала.

Он должен поехать в Тибет, хотя бы камни увидеть те, где была погребена она. И как он раньше не знал, какая удивительная женщина жила бок о бок с ним.

Перед Павлом пожелтевшие от времени вырезки газет. Сухая, скупая повесть о его времени, о его современниках. Некролог. Портрет Гали, обведенный траурной каймой. Для него этот едва приметный снимок восстановили, сделали большим. Пожилая женщина грустно смотрит на Павла. Но у этой незнакомой женщины детский профиль Гали, ее гладкая прическа. Сейчас она была ему особенно дорога уже такой, немолодой и усталой, совсем незнакомой. Но все равно в ней угадывалось что-то юное, свежее, что когда-то привлекло его. Он не читал написанное, а все смотрел и смотрел на ее лицо... Полные щеки и морщинки у глаз.

Потом слова:

«Нет больше с нами Галины Ивановны Зарецкой, светлого человека, чуткого товарища и самоотверженного врача. Вспышка ранее не извест-

ной болезни, занесенной на Землю с Марса, борьбе с которой отдала все силы Галина Ивановна, унесла ее жизнь...»

После катастрофы у Юпитера, когда скорбная весть облетела всю Землю, что пережила она вот здесь, в этом самом домике, среди таких же цветов и деревьев?

Родилась дочь. Галя начала работать. Врач-эпидемиолог. Тяжело ей было работать и растить ребенка и думать о нем, о Павле, как о погибшем. Она не вышла больше замуж. С двадцати четырех лет всегда одна...

Дочь выросла хорошей, умной. Училась здесь же, в Киевском Университете. Физик, как и отец. Увлечлась теорией единого поля. Зарецкий смотрел ее работы, талантливые работы... С той же кафедры, что и он, она читала лекции студентам...

А внука он себе представлял ребенком: сообразительный и озорной крепыш. Таким его любила Галя, таким она сажала его к себе на колени, целовала... Она не знала его другим — отважным, упорным исследователем.

Когда в глухих закоулках Тибета вспыхнула непонятная эпидемия, Галя, тогда уже сорокавосемилетняя женщина, первой откликнулась на нее.

И там ее не стало...

«Всю свою жизнь, все свои знания Г. И. Зарецкая отдала людям. И светлая память о ней навсегда останется с нами...»

Такой, оказывается, была его Галя, послушная и робкая, никогда не сказавшая слова упрека.

А ему всего лишь тридцать пять лет! И ни единого седого волоска, и движения молодые, быстрые. Он, выросший в семье астронома, впитавший вместе с молоком матери мысль о полете в неведомое, был рожден для Космоса. И длительное путешествие совсем не отразилось на его здоровье.

Зарецкий понимал: гнетущие мысли — это власть прошлого. Могушество человека в борьбе. А он сейчас вне ее.

6

Тягостной оказалась и встреча с Суреном. Павел не видел его всего две недели. Но Маргулян за этот короткий срок изменился разительно. Раздобрел, расплылся. Павел хотел закричать:

«Сурен! Дружище! Ты ли это? Ну и солидные же накопления успел приобрести!»

Но осекся. На широком лице приятеля застыла самодовольная, благодушная улыбка.

— Виноград, виноград-то какой! Мечта.

Его влажные губы даже слегка прищмокнули. И Павел неуверенно спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, прекрасно, — словоохотливо заговорил Сурен. — Лучше и не надо. Любуюсь морской далью, дышу полной грудью, ем шашлык и виноград...

«А прошлое? — думал Павел. — Тебя не мучает прошлое?»

Зарецкий заговорил о новых космопланах, тех, что стоят уже на Плутоне, готовясь к звездным рейсам. Но Сурен все с той же благодушной улыбкой отмахнулся:

— Подожди. Дай отдышаться после всего. Дай пожить спокойно. Успею еще... Все успею... Теперь люди живут в среднем сто семьдесят лет... Неужели мы будем жить меньше? А? — В последнем шутиливом вопросе был едва уловимый страх.

— И тебе не хочется узнать быстрее...

— Экий ты беспокойный! Все успеется!..

Павел вышел от него совершенно разбитым. Нет! Его боль, его смятение лучше, чем это успокоение!

Он стоял над морем на высокой террасе. Но ни сияющий день, ни тишина воздуха, ни водная ширь не вносили покоя в его страждущую душу.

— О чем задумались, Павел Николаевич? — доктор Лида Линг слегка притронулась к его плечу. Она с трудом произнесла по древнему обычаю имя и отчество. — Вас расстроила встреча с другом?

Павел не знал, что отвечать, и пристально всматривался туда, где небо сливалось с морем.

Она продолжала:

— Да... Сурен очень еще болен... Хотя и ест хорошо, и спит, и сердце работает нормально... С вами легче... В вас горит смятение...

Он повернулся к ней.

— Что вы сказали?

— С вами легче. Когда человек неудовлетворен — это хорошо. Успокоение, вот такая утрата интереса ко всему, что не касается собственной священной особы, — хуже всего... Моральная смерть, а она подрывает и здоровье. Но он будет здоров! Будет еще рваться к своим космопланам! И создавать новые конструкции. Увидите!

— Вы считаете, что я здоров морально?

— Абсолютно. Тоска... Неудовлетворенность... Все нормально. Нужна еще... — Она замялась.

Павлу нравилась эта пожилая женщина. В каждом человеке он теперь пытался найти что-то общее во внешности, в голосе, в манере держать себя с милыми его сердцу далекими людьми. И находил! Очень часто находил. И тогда мир становился более реальным. А в Лиде Линг была частичка его матери: легкая небрежность в одежде, рассеянность. Вот и сейчас: к чему эта красная шляпа? Но ему особенно приятен этот яркий убор.

— Что еще?

Она лукаво улыбнулась.

— Не скажу! Узнайте сами!

Тайна неизбежности

1

Март... Сладостно пахнет каждая травинка, каждый стебелечек.

Павел поселился на Крымском побережье.

Вечерами долго бродил над морем.

— Леа...

Он старался отбросить саму мысль о ней. А по существу, Леа единственный близкий ему человек. Она его понимает, но жалеет... Именно жалеет! Он почти ненавидел дочь Павлия Зоря в эти минуты.

А лунное сияние на воде шевелится, как чешуя гигантской рыбы... Густыми запахами наполнен воздух.

И все-таки думал о ней.

Неожиданно всплыло одно только слово: хрусталинка.

— Хрусталинка, — повторил он и задумался.

Взрослый ребенок! А он думает о ней как о женщине.

И пришла озорная мысль: разбудить в этой взрослой девочке женщину. Павел рассмеялся, громко и радостно, впервые за долгое время.

— Значит, я молод, я совсем еще молод, если хочу разбудить в ком-то женщину. Но это все глупости... Глупости от безделья.

Через несколько дней после этого вечера он решил посетить Лею. Но как посетить? Так, как и раньше? В этом ее убежище, в уединении? В доме диких гор? И опять он почувствует робость, Леа заставит его говорить, будить прошлое, беречь старые раны. И уйдет вспышка озорной молодости.

Он вызвал Лею по личному телевидению. Она долго не отвечала. Но он упорно посылал настойчивые сигналы.

Наконец, на крошечном экране увидел ее усталое, похудевшее лицо.

— О! Это вы, — она не ожидала, что именно он так упрямо требовал ее. — Я не знала, что это вы...

И вдруг улыбнулась в ответ на его щедрый привет и звонко сказала:

— Вы сегодня хорошо выглядите.

— Сегодня я хочу отдыхать, отдыхать, а не думать и не работать. Вместе с вами можно?

— Хорошо. А куда вы хотите пойти?

Он уловил и ее легкую досаду и уступку.

— Туда, где весело, где люди только смеются и совсем не думают о высоких проблемах.

— Тогда... тогда пойдем потанцуем.

— Хочу танцевать! — весело поддержал он.

И сразу поймал себя на мысли, что танцевать не умеет. Он даже не видел, как люди танцуют теперь.

Через полчаса они прибыли в Адеонис — огромный Дворец Веселья на одном из островов Средиземного моря.

Высоко в воздух взлетели площадки для танцев. Отсюда далеко видна окрестность. И благоухающие заросли на самом острове и сооружения для шумных игр. Дальше море, в темноте густое, слабо фосфорисцирующее при ударах о скалы. Скал много, черных, блестящих и острых. А еще дальше можно различить огни материка. Там городок обсерватории.

Леа и Павел устроились на террасе павильона-ресторана. Совсем близко протянулись колчужие и упругие листья самшита. Павел смотрел на Лею и не узнавал. Не прежняя бледная Леа, рассеянная, погруженная в свои мысли, сидела перед ним, а кокетливая изящная девушка в ярком оранжевом платье, плотно облегающем гибкую фигуру, с открытыми матово-бледными плечами. И волосы не так, как обычно, уложены, отчего четче выделяется классический овал лица. Неожданное превращение! Он хотел разбудить женщину! А она рядом с ним, соблазнительная и загадочная. Какая же Леа милее: эта или прежняя?

Леа улыбалась, полузакрыв веки. Станный у нее цвет глаз. Бледно-голубой. И вдруг там мелькнула прежняя детская робость. И Павел понял. Она ему нужна, нет, необходима, вот такой...

Он слишком пристально смотрел на нее. Она покраснела и отвернулась, а пальцы беспокойно теребили веточку самшита.

Вальс... Плечи Леи чуть-чуть покачивались в такт ему.

— Я должен просить у вас прощения, Леа, я совсем не умею танцевать.

Она рассмеялась тихо, но искренне. От этого смеха ее стало легко. Теперь он видел: она омущена и взволнована.

Она больше не спрашивала о том, что было когда-то. Только слушала эту ночь, густую темноту...

Низкий женский голос поет о чем-то. И грусть и омятение. Пахнет в ночи каждый листочек и каждая былинка... И Павлу захотелось подарить какую-то светлую радость этой девушке.

— Хорошо здесь, — шепнула Леа. — Можно, я позову своих друзей?

Павел не мог точно ответить, хочется ли ему сейчас видеть ее друзей... А она уже нажимала кнопки личного телевиденья.

— Люций! Ты огорчен?

Павел на маленьком экране видел растерянное лицо юноши.

— Эвг Гью не берет? Ничего! Дорастем! Приезжай в Адеонис.

Леа повернулась к Павлу.

— Сейчас позову Нилу. Она самая хорошая. Мы выросли вместе. Она всегда была умнее всех. — И улыбнулась. — Когда мальчишки носы разбивали друг другу, она являлась, так сказать, главным воспитывающим фактором. Речи произносила не хуже любого вашего оратора. Но мальчишки драться не переставали! Сейчас она проходит педагогическую практику. И представляете? Совсем отказалась от проповедей...

Леа вдруг вскочила со скамейки. Встала в позу, вытянув вперед руки, сдвинула сердито брови:

— Дети — это единственные люди на Земле, над которыми еще довлеет насилие. Дать детям свободу. Пусть их учат сами события! — И дальше, едва улыбнувшись, продолжала обычным тоном:

— Один из ее подопечных съел столько мороженого, что сегодня пришлось собрать консилиум врачей. Мороженого он действительно больше не хочет! Боюсь, что Нилу на некоторое время отстранят от детей. Ей будет очень тяжело.

Павел любовался оживлением Лен.

— Когда-то, лет триста тому назад, придумали кибернетических нянек. Представьте себе: рядом с каждым ребенком такая няня! Первыми не выдержали мамы. Были случаи полного уничтожения «нянь». Профессия педагога стала самой популярной...

— Каро, приезжай!... — И уже говорила Павлу о Каро: — Собирается искать торий на Каллисто.

...Павел не почувствовал себя лишним среди молодежи. Прежде всего они запели. Видимо, это был их условный гимн, задорный и шуточный. Потом Нила протянула Лее инструмент, похожий на крошечную древнюю арфу.

— Пой, Леа! Пой! — слышалось со всех сторон.

Леа несколько мгновений смотрела Павлу в лицо и начала нехитрую детскую песенку о солнце, о цветах, о бабочках. Ее ясный, чистый голос как раз подходил для этого.

Потом шумной гурьбой поднялись на яхту. На палубе их сразу же окружили...

Вышла в круг русоволосая девушка и, тряхнув косами, не отрывая от Павла глаз, закружилась в каком-то танце.

И Павел аплодировал горячее всех. Никто не выделял его присутствия. Но узнали, конечно, все.

Перед утром Леа опять запела:

Виють витры, виють буйни,
Аж дерева гнутся.
Ой, як болить мое сердце,
А слези не льются...

Это был последний нежный вздох необыкновенной ночи.

А дома Леа долго стояла, всматриваясь в едва различимые очертания гор.

Первая встреча на ракетодроме... Худой, измученный Космосом человек... Он еле идет. И острое сочувствие... Сочувствие — часто начало любви. Так было во все времена. А потом... Разговоры наедине... И его гордость, резко отбрасывающая жалость. И сегодняшний вечер, пыливый взгляд...

Павел посетил Доса Дина. Старейший ученый, основоположник термодинамики отрицательных энергий, жил на западном побережье древней Франции.

Покой и порядок царили вокруг гениального старика. Он сам шел навстречу. И Павел увидел его среди цветущих вишен и абрикосов. Павел знал, что Досу Дину уже 183 года. И был приятно поражен легкостью и непринужденностью его походки.

Открытым радушным движением Дос Дин протянул Павлу обе руки:

— Здравствуй, здравствуй, дорогой. Сто пятьдесят лет я мечтал об этой встрече. И, наконец, осуществилась и эта моя самая давнишняя и большая мечта.

Они шли рядом, шли быстро — в темпе Доса Дина:

Павел с благоговением всматривался в его лицо. Дос Дин походил на патриарха: густоволосый, седой, со свежей кожей.

Они сидели в креслах на широкой веранде. Цветники спускались к морю. Был час отлива. И обнажились самые далекие скалы. Там, в мелких лужицах, среди морских водорослей и гальки остались дафнии, медузы — тысячи живых существ. И они такие же, какими были шестьсот лет тому назад. Какое там — шестьсот! Сотни тысяч, миллионы! А человек... Шестьсот лет его преобразили...

Дос Дин отлично помнил, что было сто пятьдесят, сто шестьдесят и даже сто семьдесят лет тому назад... В его словах задушевность и сочувствие:

— В молодости я завидовал вам, первым выходцам в Космос, вашему безумно смелому поколению. — Дос Дин положил мяткую, нежную ладонь на руку Павла. Он стоял теперь рядом, и в его глазах прежнее сияние покоя. — Я говорю: в молодости, потому что сейчас утратил способность завидовать. В моем возрасте наступает какое-то умиротворение: все прожитое кажется хорошим и никуда уже не тянет, никуда не рвешься. А в молодости, когда бродят чувства, я завидовал вам. Вы — олицетворение юности. А самое главное, вы выбросили, как хлам, всякие нелепые мысли о тщетности жизни. Нет, не «суету сует» провозгласили вы, а радость существующего.

Голос Доса Дина звучал ровно, спокойно, на низких бархатистых интонациях:

— Не надо себе туманить голову блаженной старостью. Пусть она не придет к вам такой, как приходит к нам. Видите, я жестоко откровенен: не придет! Но есть еще и подвиг. Я всю жизнь мечтал о подвиге. Но мне не дано было его совершить...

— А разве ваша термодинамика — не подвиг?

— Нет! Не подвиг! Это естественный результат моей жизни. В какой-то мере он меня удовлетворяет. Но я жду, все время жду, вот-вот придет он, молодой и сильный, и создаст нечто большее, это неизбежно. И мне интересно, какое место в этой новой науке займет термодинамика отрицательных величин.

И, улыбнувшись, добавил:

— Вы обязательно будете стоять у колыбели этой науки. Не надо иронически кривить губы. Это не утешение, а вера в ваши возможности.

Павел, подняв голову, смотрел в лицо Доса Дина. И убедился: патриарх современной науки верит в него.

— Но я говорил о подвиге. Я долго мечтал совершить то, что сделали вы... Или что повторит Эвг Гью. Вы еще не знаете его. Это начальник четвертой звездной экспедиции. Люди вашего века отмечены особой судьбой. На их долю выпало счастье первыми вырвать у природы могучие

тайны атомного ядра. А вашими согражданами, Павел Зарецкий, совершен великий подвиг человечества — они спасли Землю от безумия атомной войны, от полного уничтожения жизни термоядерным огнем. — Дос Дин остановился, стараясь собрать мысли и точнее выразить то, что думает. — В каждом подвиге бесконечно велика любовь к людям. У вас за плечами большой путь. А отдаете ли вы себе отчет в том, что вам предстоит? Нет! Не просто найти место в этом мире! Надо почувствовать, что он ваш воздух, а прошлое — далеко. Вашу судьбу повторит Эвг Гью. И все, кто устремится туда... — Дос Дин протянул руку, указывая в яркую ширь неба. — Горечь утрат всегда будет на их пути. И все-таки они рвутся судьбе навстречу! Перед вами сложная жизнь: разочарования, поиск, трепет вдохновения... и опять страдания... Если бы я мог завидовать, как в юности, я позавидовал бы вам!

3

После встречи с Досом Дином Павла удивляло, что он думал не о новой термодинамике, которую прежде всего стремился познать, а о величии Человека.

Глухо урчит море. Павла неодолимо тянет этот бескрайний простор. Близкая гроза насытила воздух. Молнии цапали сумрак над набравшими силу волнами. Прибой шумел угрожающе.

Впервые Павел осознал трагедию давно ушедших поколений: смерть в расцвете жизни, когда человек еще стремится вперед, а немощь его толкает под уклон.

Павел поднялся на скалу у самого моря, черного, предштормового, и стоял в тумане холодных и соленых брызг.

В его время люди умирали, когда верилось: главный день твоей жизни еще впереди...

Хлынул дождь, холодный, но по-весеннему освежающий. Вода была кругом: и в воздухе и под ногами, к морю мчались пенистые ручьи.

Дома Павел переоделся. Долго стоял у окна. Над морем стороной проходили молнии. А свежесть осталась. Свежесть да тяжелые капли на ожившей листве.

На письменном столе раскрытая книга, которую перевела для него Леа. Ее написал очень пожилой человек.

«Сто пятьдесят лет жизни. Этот день отмечается особенно торжественно. С этого дня я начинаю свои записи.

Хорошо помню, когда праздновали мое пятидесятилетие. Расцвет молодости. И произносили тосты за то, чтобы я вывел розы на Марсе. Это совершилось. А на Земле разросся мой любимый богуяр. Итог столетия — богуяр на Земле.

А люди шли все дальше и дальше. Осваивался Ганимед. И однажды я поймал себя на том, что не хочу лететь на Ганимед. И меня не трогает, что там распустится не мной посаженный первый цветок. Что это? Начало конца?.. А Земля с каждым днем становится все краше и краше.

Когда годы подходят к первой сотне, уже знаешь: твой самый счастливый день наступит только на Земле. И уже не тянет в чужие миры...

И вот сто пятьдесят.

Грустно? Нет. Но понимаешь: твой самый главный день уже прошел, потому что все, что было, полно содержания!»

Павел читал отдельные отрывки.

«Все вспоминаешь, вспоминаешь и вспоминаешь... Что радостнее всего? Детство? Юность? Мужество? Все! И пыльный Марс и ясная Земля...»

«Все больше и больше сливаешься с природой. Такая близость к при-

роде бывает только в детстве, лет в десять. Когда каждую травинку и каждую букашку воспринимаешь, как кусочек собственного «я». Трогаю прохладные лепестки богуяра — и это тоже я...

4

Перед бурей всегда душно. В детстве эта духота не мешала спать. Но услышать ночную грозу — такая радость! И Леа умоляла маму разбудить ее, когда грянет гром. А сейчас... Где-то очень далеко мелькают молнии, грохота не слышно. Но она не спит... Вырваться бы в этот насыщенный смятением воздух и слушать его неверную тишину! Глухая, гулкая тишина... Отец не спит... И Павел, наверно, тоже. Судьба будет необычайной... А почему? Почему она связывает свое будущее с Павлом?..

Леа потихоньку подкралась к двери. Так и есть. Отец на балконе.

«Что тебя тревожит, милый, родной папа? Когда дети вырастают, каждый из них идет своей дорогой, каждый подчиняется велению собственного сердца. Меня уже не удержать».

Гроза придавила Землю, а разряда нет... Но там, в Крыму, наверно, хлещет сильнейший ливень... И кусты, и деревья расправляются в его влаге... В эту ночь Павел, конечно, не спит. О чем он думает в первую весеннюю грозу?

Теперь Леа сама искала встреч с Павлом. Искала и боялась их.

А он не шел. Или ему стыдно за мальчишеские выходки, за нечаянное ухаживание, за шутку, которая может стать очень жестокой?

5

И Павел часто думал о Лее. Однажды он даже поймал себя на том, что вслух разговаривает с ней...

Вычислительные машины обрабатывали результаты наблюдений экипажа космолана «Вперед!». Павел каждый день получал сводки. И опять встало то, что тревожило его всю жизнь. Теория единого поля. До сих пор ее никто не создал. А сколько было сделано попыток, начиная с великого Эйнштейна! И были удачные попытки...

Леа с отцом навестила Павла. Сначала пытались поймать его по телевидению. Но он молчал. Он никому не хотел отвечать. И дверь его дома оказалась закрытой.

Они долго звонили и вошли, так и не получив ответа.

Павел писал.

Павлий Зорь, взглянув на листы, торжественно произнес:

— Уравнение Ли Лонга.

Тогда Павел оглянулся и, слегка покраснев, поднялся из-за стола. Павлий Зорь, кивнув на грудку бумаг, повторил:

— Вывод уравнения Ли Лонга.

— Какого Ли Лонга? — не понял Павел.

Краска на его лице сменилась бледностью. И он заметил, как Леа осторожно дергает отца за рукав. И опять вспыхнул, с неприязнью подумал: «Вот она, жалость... Готовы правду скрыть от меня!»

— Был такой ученый. Он жил двести лет тому назад. Пытался создать теорию единого поля. И долго, лет пятьдесят, наверно, его мысли казались самыми разумными... — И увидел страшно изменившееся лицо Павла.

— Я не знаю никакого Ли Лонга... А это... это... — Павел придавил ладонью разбросанные листы. — Это мое... — И сразу же овладел собой. — Наивный же я человек! — Даже улыбнулся. — Железная логика! И никуда от нее не убежишь! Со ступеньки на ступеньку поднимаюсь чело-

веческое познание. Вы уже где-то бесконечно далеко, а я все еще бреду, спотыкаясь по пройденным ступенькам.

Павлий Зорь был прежде всего ученым. Он умел ценить чужую мысль. Гипотезы Ли Лонга — блестящие, тонкие. И сейчас Главного Астронома Мира поразило необыкновенное проникновение Зарецкого в стихии природы, будто Павел как реальные образы видел и поля и частицы и мог предвосхищать будущее. В этом человеке была действительно неукротимая сила, самозабвенное погружение в науку. Это воздух его и питание, без которых немислима жизнь.

Прав Дос Дин: стоять Зарецкому у колыбели новой науки.

— Вы не с того начали. Никому не обойти эти ступеньки. Надо пролететь сквозь них. Дайте задание памятным машинам: теория единого поля. И они в течение месяца расскажут вам обо всем, что было сделано за эти столетия. Только последнего не трогайте: термодинамику Доса Дина и механику Эльвиры Клеиз. Это надо прочувствовать, как чувствуют музыку. Буря мыслей! Испейте ее до конца! А потом... Идите в обсерватории, в лаборатории физиков! Пусть все звезды заработают на вас!

И задумался...

За плечами этого человека парсеками проложенная дорога. На коже его не прах древности, а дыхание Космоса, вечный порыв вперед...

6

«Управление Звездных Полетов просит товарища Павла Зарецкого посетить Главного конструктора 23 августа в 10-00 по среднеевропейскому времени».

Это сообщение сразу же вспыхнуло на экране телевизора, когда Павел вошел в свою комнату.

Разволновался. Зачем вызывают? Он действительно нужен или это снисхождение, чтобы успокоить его?

Дал задание киберам привести в порядок костюм и обувь. В день свидания долго одевался перед зеркалом... Отправился в путь за два часа до назначенного срока. Медленно плыл над морем. Выключил автоматическое управление, взял руль в руки. Приятно ощущать свою слитность с машиной, ее чуткость и покорность.

Внизу уже вырисовывалось здание Звездных Полетов, серо-голубое, широкое и просторное, с множеством колонн.

По широкой лестнице Павел поднялся в вестибюль. Прохлада, сумрак и тишина. Людей нет.

Очень мелодичный женский голос произнес:

— Добрый день, Павел Николаевич Зарецкий!

Павел вздрогнул и невольно оглянулся.

— Это я, кибер. Главный конструктор ждет вас. Пройдите по центральной лестнице на второй этаж, вторая комната.

Павел медленно поднялся, сдерживая стремительность своих движений.

На мгновение остановился перед дверью и решительно толкнул ее.

В противоположном конце удлиненного кабинета на фоне светлых штор увидел силуэт человека. Мужчина сразу же пошел навстречу Павлу. Он оказался гораздо выше и плотнее Зарецкого, очень смуглый, с узким разрезом глаз и черными жесткими волосами.

— Я решил побеспокоить вас... Мы готовим четвертую звездную экспедицию. — Они сели друг против друга в мягкие кресла. — Оборудование этой экспедиции в принципе мало отличается от оборудования предыдущих. Я не говорю о вашей. Мы дважды достигали системы Альфы Центавры. Сейчас наш путь пойдет по трассе, проложенной вами...

Горячая краска не только зажгла лицо Павла, но и захватила шею и грудь.

— Корабль — усовершенствованная фотонная ракета. Но вы сами понимаете, фотонная ракета — это громоздкая штука...

Главный конструктор говорил так, как будто вслух вспоминал или мечтал.

— Сколько мы помучились! И, наконец, надо доставить эту самую ракету на Плутон. Ее не запустишь с Луны. Она там все уничтожит. Вот ее и тянут к Плутону грузовые планетопланы. А вы... Вы прибыли на удивительном корабле — легком, послушном и безвредном для окружающих... Нам известен «закон» соответствия Доса Дина, и мы понимаем, что те существа, которые помогали вам вернуться, использовали именно этот закон. Но как они это делают?

Павел и сам думал об этом. Как долго, упорно и много думал! Разгадку он чувствовал в единстве, прежде всего в единстве материи. Сколько веков человечество чувствует неоспоримость этого! Превращение света в вещество и вещества в свет... Нейтрино- и гравитоны... Павлоны тоже составляют одно целое. При определенных условиях одно превращается в другое.

И не раз единство поля выливалось в строгие формулы и законы. Но всегда приходило что-то новое.

И все рушилось...

Павлу захотелось закричать:

— Да! Да! Оно есть, это единство... Но оно все время будет новым...

Здесь, в кабинете Главного конструктора, он наконец-то осознал: нет, он не экспонат древности. Не одно прошлое ценят в нем люди.

А когда вышел, захотелось видеть Лею.

Они вместе бродили по огромному парку. День яркий, с затуманенным от зноя небом, но густая тень от пышной листвы лежит на аллеях. Леа и Павел, перебираясь с камня на камень, пытались перейти пороги небольшой речушки. Крепко взявшись за руки, они стояли среди рвущегося потока, освещенные жарким солнцем. Их глаза встретились, и они рассмеялись. Шумела, бурлила вода. Павел, бережно поддерживая Лею, помог ей выбраться на берег, на желтый и влажный песок. Леа улыбалась. Все было хорошо: и эта сочность лета, и жара, и прохладная глубина пенящихся порогов.

Потом они попали на стадион. И Павел вдруг вспомнил, что прежде хорошо прыгал в высоту.

Начал прыгать. Рейка поднималась все выше и выше. Сильный толчок ногами, и Павел опять над перекладиной. Он был весь бронзовый от загара, лицо пылало возбуждением. А в теле вновь обретенная радость движений.

Рейка слетела.

— Первая попытка, — сказала Леа, устанавливая ее на место.

— Вторая попытка.

И тоже неудачно.

— Третий раз...

И опять перекладина летит в песок.

— Все, — сказала Леа, — не можете...

— Нет! Я еще буду прыгать! — Павел забрал из ее рук планку, установил.

— Уже все! Таков обычай...

— Нет, буду!..

Павел разбежался, сильно оттолкнулся, его тело пронеслось над самой рейкой, слегка задев ее.

— Ну, что? Моя взяла! — засмеялся он, поднимаясь с земли.

Они стояли рядом: тот, что пришел на Землю из далекого прошлого, и тот, кто завтра уйдет в незнаемое, чтобы вернуться назад через столетия. В подвижной фигуре командира четвертой звездной экспедиции, в его легких движениях была радостная уверенность, что жить на свете хорошо... В его улыбке, немного застенчивой и слегка задорной — та же воля к победе, что вела когда-то первых космонавтов.

А глаза голубые, очень внимательные и добрые. Говорил он тихо, слегка картавя:

— Я не мог не повидать вас. И не потому, что должен повторить вашу судьбу. Просто хочется взять частичку вашей силы.

Они весь день провели вместе. Павел говорил, все говорил о том, что считал очень важным, что обязательно должен учесть Эвг Гью. Он старался все отдать, без остатка, вспоминая малейшую из мелочей.

И, оказывается, он рассказывал о своих друзьях... Описывать прошлую технику, научные предположения — не имело смысла. Одни люди остались, не поглощенные временем.

— Пусть у вас будут такие же спутники, какие были у меня!

Шло заседание Ученого Совета Мира. Обсуждалась готовность четвертой звездной экспедиции.

Павлий Зорь, Сурен Маргулян и Павел Зарецкий занимали места для особо приглашенных.

Павел украдкой посматривал на Сурена. Конструктор планетоплана «Вперед!» был по-прежнему грузен. Но в осанке что-то изменилось, как будто появилась прежняя галантность. И в глазах — жадный огонек познания.

— Уймищу книг набрал,— шепнул он Павлу.— Но ничего пока не понимаю. Ну и бестолковые стали мы с тобой!

За их спиной амфитеатром к прозрачному, сейчас светло-голубому потолку подымались ряды кресел. Зал переполнен: на Совет Мира может прийти каждый.

И Павел опять, как и в ту необыкновенную ночь в Адеонисе, не мог не любоваться людьми. Он не знал, сколько кому лет, но, наверно, особенно юных здесь не было. Хотя все казались молодыми, свежими, с нежной чистой кожей, с густыми, у большинства вьющимися волосами. На лицах оживление, напряженный интерес.

Впереди, там, где слегка суживаются стены,— открытое возвышение. За массивным красным столом двадцать четыре человека: пятнадцать мужчин и девять женщин — Верховные Руководители Совета. Это уже очень пожилые люди самых разнообразных профессий.

Сурен и Павел знали только одного из них, главного конструктора. Он стоял сейчас за светлой трибуной.

— Время регулярных звездных полетов настало. Они таят в себе еще много опасностей. Но мы готовы к этому. На Джолии нас ждет разум — бесценное сокровище Космоса. Трудно переоценить значение связи с разумом Анлореса. Это и энергия будущего, и звездные полеты на легких и удобных кораблях, и проникновение в такие тайны мироздания, о которых невозможно даже предполагать. «Камни» — их уже почти разгаданные живые машины — много нам сказали нового.

Пожилой ученый, чем-то, наверное смеющимися глазами, напоминающий Сашу Черненко, сделал сообщение о природе этих «камней».

— Это необычные для Земли сочетания элементов, это необычное для нас проявление жизни. Потому что — вне всякого сомнения — это живые образования.

Он остановился, чтобы подчеркнуть последнее:

— Я не оговорился: именно живые образования. У нас нет таких разновидностей жизни. Этим организмам свойствен обмен веществ. Это что-то среднее между кибернетическими устройствами и живыми генераторами определенных излучений.

Павлу показалось, что слова ученого — это только подтверждение его собственных предположений.

— Солнечный свет способствует возникновению в них особой радиации павлонов. Трудно сказать, какую роль в их жизни играет эта, пока почти не изученная нами, стихия. Но, несомненно, большую. Эти лучи «видят» на расстоянии, измеряемом сотнями световых лет, и распространяются со сверхсветовой скоростью.

Докладчик сделал небольшую передышку.

— Питание «камней» — горные породы, содержащие самые ничтожные количества двуокиси или окиси германия. Кажется весьма вероятным, что концентрация этих соединений в литосфере Джолии по крайней мере в тысячу раз большая, чем у нас. Организм «камней» разлагает двуокись германия, выделяя в атмосферу кислород. Так они создают воздух для «мудрых теней»...

Павел встретил взгляд Сурена и понял, что его друг вспоминает, как и он, горячие споры в салоне космолана, мальчишеский голос Саши и уверенность Нины Орловой.

— Разум «приручил» эти живые образования, используя их в своих целях. Они как угодно долго (во всяком случае по сравнению с продолжительностью нашей жизни) могут находиться в состоянии анабиоза. Им не страшны ни высокие температуры, ни огромные переохлаждения. Попадая в биосферу, они оживают. Каким образом в этом организме происходят ядерные превращения — пока неизвестно. Но они происходят. Под влиянием жестких излучений образуются атомы германия, обладающие повышенной реакционной способностью. На примере этих самых «камней» мы убедились, что в этом новом их свойстве заложена возможность германиевой жизни.

И, наконец, он заговорил о том, что представляло наибольший интерес для всех присутствующих:

— А разумные существа этого мира? Тоже германиевые? Об этом расскажет людям экспедиция Эвга Гью. Пока существуют две точки зрения: германий и углерод. В пользу последнего говорит завезенный на Джолию вирус, который принес гибель Нине Орловой. Он может существовать только в мире углерода. На почти мертвой Джолии он не мог возникнуть, он привнесен извне. Углерод — особый элемент, он один с его неисчерпаемым многообразием соединений может дать высокоразвитую жизнь...

Затем присутствующим представили командира четвертой звездной экспедиции.

Полет к Джолии! И сейчас, среди бесконечных парков Земли, среди ее упоительного воздуха, стало нестерпимо жаль, что для него это уже пройденное, а для кого-то начало пути, молодость.

Опять май на Земле. Бледно-голубым цветом распустился богуйар, и вечерами низко над морем висела огромная луна. И люди пели.

Павлу передали просьбу Леи включить в десять вечера воздушный телевизор.

Он удобно устроился среди зарослей богуйара. Смоляной запах приносил свежесть.

Павел включил передачу. Изображение возникло в воздухе, создавая впечатление, что события разворачиваются здесь, рядом.

Открылась снежная даль, проселочная дорога — узкая колея на снегу. Девушка в стеганке, платке и в тяжелых сапогах идет по ней. А где-то далеко, у самого горизонта, там, куда стремится девушка, едва уловимая паутина высоковольтных передач. Тупой ковш экскаватора грызет мерзлую землю. Девушка идет проселочной дорогой.

«Неужели в дни моей юности были такие заснеженные дороги?» — невольно спросил себя Павел.

Потом он увидел барак. Сплошные нары, и железная печурка у входа. А из узенького окошка видно, как на плотине строится здание самой гидростанции. И опять, насколько хватает глаз, все бегут и бегут по сопкам столбы высокого напряжения.

Девушки в бараке шьют, читают, думают над чертежной доской.

Нет... Это не его юность... Это скорее юность отцов. И его мать была такой, и Нина Александровна...

Почему же он раньше, в той, другой жизни, не замечал их?

Люди проходят мимо него. Одни стихии остаются. Он горько усмехнулся: и остаются ли!

А она, Леа, появившись на свет через сотни лет, все прочувствовала. Он думал о ней с удивлением и даже со страхом. И вдруг покраснел. Покраснел, поняв, почему на долю ее героини — нежной и верной Тани выпала неразделенная любовь...

Он не заметил Гали рядом с собой... Он едва не потерял Лею... А может быть, уже потерял?

Исчезла Таня, остались только растревоженные мысли. А как встретиться теперь с Леей? Он хотел этого и боялся. Казалось, что-то изменилось в их отношениях.

Вечер наполнился густой южной темнотою. Выступили звезды. И далекий Анлорес.

Павел поднялся и в полной тишине среди огромных богуйаров пошел к морю. Вставала луна. А море, шуршащее, живое, растворилось в темноте.

Вспомнился последний рассвет над Джолией, ее прощальный привет. И Павел впервые спокойно подумал о том, что другие теперь будут прокладывать звездные пути.

В мыслях не осталось и следа горечи: те люди, что пришли после, были сильнее его. Так пусть же им принадлежат звездные трассы!

А может быть, в этом разумном спокойствии звучало влияние Леи?

Между ними легли столетия, но он понимает каждый трепет ее мысли, каждый вздох ее чувства. Она любит друзей его юности и те далекие годы, озаренные великой борьбой за светлое будущее, за сегодняшних людей.

«Спасибо тебе, Леа, за это. На Земле стало бы холодно без твоих песен», — может быть, немного торжественно думал Павел Зарецкий.

Бесшумно подлетел он к дому Диких Гор. Вокруг ни единого огонька. Павел укрепил лодку у поручней балкона, перелез через перила.

«Я с ума схожу! Как вор среди ночи врываюсь...» Но он не мог уже остановиться. Только бы проникнуть к ней. И сказать что-то светлое...

Но в этот момент увидел застывший в дверях силуэт девушки. Белое платье Леи чуть различимо в темноте. Очень тихо позвал:

— Леа...

Она оглянулась и, кажется, испугалась.

— Вы?! Павел! Вы?!

Она так долго ждала его...

Далеко в горах раздался долгий нарастающий гул. Где-то оборвалась снежная глыба.

Когда шум утих, Павел сказал:

— Леа, дорогая моя, простите...

Но стоящая перед ним тоненькая девушка казалась такой беспомощной и такой близкой, что он поправился:

— Прости... Я не мог не прийти сегодня. Даже среди ночи.

Она чуть заметно кивнула головой. Он заговорил громче:

— Я долгие годы жил бок о бок с Ниной Орловой... С Сашей... Суреном... Но никогда не задумывался об их прошлом... Ее сын погиб во время очень смелого эксперимента по получению тетоксида... вот этого самого тетоксида, из которого созданы светящиеся стены ваших домов... Ему, кажется, было чуть побольше двадцати лет... И погиб он, спасая товарищей... А Нина Александровна много лет работала в болотистых джунглях, среди страшной нищеты...

Леа ближе подошла к нему, осторожно заглянула в лицо.

— Спасибо вам, что вы тогда были такими! Спасибо вам за ваше человеколюбие! За все, что вы тогда сделали для нас!

Над острыми вершинами гор показался спутник К-22 — стартовая площадка для полетов на Венеру и Меркурий. Он быстро плыл по небу — самая яркая звезда. Они следили за ним, пока он не исчез в черных тенях хребтов.

Павел взял руку Леи, прижался к ней лицом.

Космос перечеркнул столетия!

Приближался рассвет. Они в воздушной лодке двинулись к морю. Это было непривычно и радостно: идти в рассвет вдвоем.

Настало утро, земное, майское...

Огромные деревья, и влага на их листьях... Дорога шла к морю. к желтому песку на берегу, к камням, черным, блестящим, всегда в пене волн.

Синяя безбрежность перед ними.

Пройдены столетия, Космос, Земля разных эпох. И Павел, как, наверно, когда-то первобытный человек, почувствовал: до чего же хорошо жить! И Леа — самое удивительное существо во всей Вселенной!

Он осторожно обнял ее за плечи. Она не отшатнулась.

И вдруг он рассмеялся.

— Ты что? — шепнула она.

— Я неисправим... Ты не сердись? Даже сейчас я подумал о том, как мало еще люди знают... Какие еще новые стихии поднимутся на службу разуму!

Солнце в этот ранний час было красным, как Анлорес. Оно только наполовину выползло из морской пучины. И волны порозовели, и небо. И в розовом сиянии рассвета одни цветы богуяра с тонкими лепестками отливали той же слабой синевой, что и глаза Лен.

И Павел опять ласково спросил:

— Ты не сердись?